

Последние дни Джека Спаркса

Автор:

[Джейсон Арнопп](#)

Последние дни Джека Спаркса

Джейсон Арнопп

Хоррор. Черная библиотека

В ваших руках книга, работая над которой умер Джек Спаркс – гонзо-журналист и атеист, пустившийся в охоту за сверхъестественным. Спаркс смеется над дьяволом. Он не допускает и мысли, что мистические проявления могут быть реальны. Его цель – разоблачить фальшивое видео о призраке, которое неизвестные загрузили на его страницу в соцсети. Но в жизнь Спаркса уже вползают щупальца зла, и Джеку придется почувствовать его под кожей, дрожа от желания то ли сбежать, то ли подчиниться ему. Но одного Джек уже точно не сможет – не верить...

Джейсон Арнопп

Последние дни Джека Спаркса

Jason Arnopp

THE LAST DAYS OF JACK SPARKS

Copyright © 2016 by Jason Arnopp

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим маме и папе,

никогда не заставлявшим меня найти нормальную работу

Если вы думаете, что знаете, что, черт возьми, происходит, вы, наверное, круглый идиот.

Роберт Антон Уилсон

Предисловие Алистера Спаркса

В самом сердце дома, где мы с моим покойным братом Джейкобом родились и выросли, зияла черная дыра.

Так мы называли это место. В действительности же там находился чулан, возникший посреди загородного саффолкского дома по неведомой прихоти архитектора. Небольшое помещение прямоугольной формы, размером не больше двух магазинных примерочных, сдвинутых вместе, без окон, без электричества, без вентиляции. Три двери вели в этот чулан.

Наша мать, будучи женщиной практичной, взяла и приколотила к стене этой бессмысленной распределительной коробки вешалку. Так наш чулан стал гардеробом.

Само слово «гардероб» вселяло в нас с Джейкобом, которому было суждено снискать славу и бесславие под именем Джек Спаркс, иррациональный страх. Созвучие со словом «гроб» наделяло его зловещими качествами и вызывало ассоциации с мертвецами. Мы невзлюбили чулан еще больше. Мы чувствовали себя в большей безопасности, когда звали его черной дырой, ведь у черных дыр хотя бы есть научное объяснение.

Мы избегали чулана правдами и неправдами и всегда огибали его кругом, сходясь во мнении, что лучше потратить лишнее время, чем хоть на секунду окунуться в этот затхлый карман тьмы. А когда одному из нас все же случилось оказаться внутри, пульс мгновенно учащался, на шее выступал холодный пот, который казался в те мгновения ледяным дыханием смерти, и хотелось кричать от страха.

Дело было летом 1983 года, в субботу. Джейкобу было пять, я был на четыре года старше. Мы тогда хорошо ладили, правда, и типичное братское соперничество было нам не чуждо. Вместе мы лазили по деревьям, катались на великах, играли в футбол. Ну а потом, наставив синяков и шишек, без которых не обходятся никакие дворовые игры, опираясь друг на друга,ковыляли домой.

То была обычная детская шалость, но теперь, когда все так обернулось, она неожиданно приобретает сакральное значение здесь, в книге, к которой я и подумать не мог, что однажды приложу руку. Надеюсь, эта история поможет лучше узнать моего брата и пролить свет на то, почему однажды, как ни горько мне это говорить, его понесло вниз по наклонной.

В тот день окна в доме были распахнуты настежь. На улице стояла знойная жара. Мама отдыхала в саду на шезлонге. Тот время от времени ломался под ней, и она чертыхалась так громко, что жаловались соседи. Мама запаслась бумажными салфетками и читала детективы, не намазавшись, как всегда, солнцезащитным кремом.

Джейкоб с разругавшимся лицом катал по полу столовой игрушечную машинку. Придумав, во что бы с ним поиграть, я обошел дом, запер две из трех дверей, ведущих в чулан, и забаррикадировал их парой кресел. Архитектор, надо отдать ему должное, поставил двери так, чтобы они открывались наружу. Я выглянул на улицу из окна кухни: мама дремала, уронив книжку себе на живот.

Тогда я предложил Джейкобу поиграть в одну игру.

Я сказал, что буду привидением, а он – охотником за привидениями и он будет от меня убегать. Правила были простые. Охотнику нужно трижды пересечь черную дыру так, чтобы привидение не поймало его и тоже не превратило в привидение.

– Почему это я убегая, если я – охотник? – недоверчиво спросил Джейкоб.

– Потому что ты увидел меня, и тебе не по зубам такое злое и страшное привидение!

Он поразмыслил над таким ответом и согласился, мне на радость. Наживка была заглочена.

Джейкоб с визгом кинулся убегать, я – за ним. Я зловеще ухал, размахивал руками и бежал сзади, сдерживая темп, чтобы не догнать его. Как я и задумал, Джейкоб выбежал из столовой, бросился напрямик к ближайшей двери в чулан и нырнул в черноту.

Я прибавил шагу, нагнал его, чуть не спотыкаясь, и захлопнул дверь у него за спиной. Потом крепко вцепился в дверную ручку, всем телом дрожа от нервного перевозбуждения.

Раздался глухой стук – Джейкоб попытался выйти из другой двери и обнаружил непреодолимое препятствие на пути.

– Эй! – позвал он голосом, который будто бы доносился из барахлящей телефонной трубки. – Дверь же...

Он осекся и толкнул вторую дверь. Снова потерпев неудачу, Джейкоб растерянно заплакал.

У меня аж зашумело в ушах, когда я налег на дверь и стал готовиться к штурму. Долго ждать не пришлось. Джейкоб дернул за ручку, но напоролся на упрямую силу человеческого сопротивления. В его голосе слышался страх:

– Али, прекрати! Али!

Мама нас не слышала, хотя вопли Джейкоба становились громче и пронзительнее. Порой он прекращал тщетную возню с дверью, а потом резко бросался на дверь в надежде застать меня врасплох. А порой он начинал ломиться в другие двери и звать на помощь маму. Но я не сдавался. Джейкоб не казался мне как-то особенно перепуганным, не ревел, и я не сомневался, что мы еще вместе посмеемся над этим попозже, когда я его выпущу.

А потом крики по ту сторону двери стихли намертво.

С горящими от напряжения плечами я развернулся и тяжело привалился к двери. Перед глазами у меня играли в догонялки мушки. Я прислушался.

Я очень долго прислушивался.

Тишина.

Мне вдруг стало не до шуток.

– Не бойся, – крикнул я через прочное дерево. – Я тебя выпущу, слышишь?

Я ободрительно засмеялся.

Ответа не было.

Я стоял в залитой светом комнате, но меня одолевало нехорошее предчувствие.

Чудовищный непрошенный образ нарисовался мне в воображении.

Я представил, как Джейкоб становится чем-то иным.

Я представил, как он лежит в гробу этого гардероба с зияющей чернотой на месте лица.

Я убедил себя в том, что этот фантом, прежде бывший моим братом, ждет меня там. И когда я открою ему дверь, он набросится на меня и вырвет мне руки и ноги, заливаясь безумным смехом.

– Джейки? – позвал я.

Мне по-прежнему никто не отвечал.

– Джейкоб!

Мое сердце, бившееся так восторженно еще секунды назад, сейчас словно колотилось в дверь и просилось выйти.

Мне стало так страшно за брата.

Во что он превратился в этом непознанном месте?

Несколько секунд спустя я все понял, заметив, как что-то вытекает из-под двери.

Рассказывая об этом происшествии, я не хочу подкидывать пушечного мяса интернет-троллям, которым хватает наглости вменять мне в вину то, какой оборот приняла жизнь Джейкоба. Я лишь хочу, чтобы вы хоть одним глазком смогли взглянуть на сформировавшие его годы и увидеть ребенка, который слишком остро отреагировал на безобидную, в сущности, шутку. Моя совесть чиста. Вдобавок я считаю необходимым пересказать и свою версию этих событий, раз уж мой брат включил этот эпизод в книгу. В свое время вы услышите и его рассказ, но Джек, к сожалению, многое преувеличивает и переиначивает в этой истории.

Несмотря на удушливый интерес прессы, с которым была встречена безвременная кончина моего брата, ушедшего из жизни в тридцать шесть лет, рядовой читатель может и не догадываться, что он собой представлял.

Если сам я в детстве мечтал попасть в шоу-бизнес, но вместо этого стал ученым, то Джейкоб, напротив, проявлял склонность к наукам, а стал, как известно,

писателем и медийной персоной. Первые шаги на этом поприще он сделал во время прохождения практики в журнале «Нью-Мьюзикл-Экспресс» в 1996-м. До сих пор с улыбкой вспоминаю восторженный голос этого восемнадцатилетнего зазнайки в телефонной трубке: «Меня приняли!» Рецензия на пластинку по заданию «NME» стала первой публикацией Джека. В музыке он разобрался, хотя вкусов его я не разделял. Когда мы были подростками, из его комнаты орали Sex Pistols, Mot?rhead и Sisters of Mercy, тогда как в моей прописались Pet Shop Boys.

Недолго думая, он взял себе звучный и броский псевдоним «Джек Спаркс». Я тогда получал степень по биохимии и был завален учебой, но был рад за брата, который вот-вот претворит в жизнь мою собственную давнюю мечту.

На прохождении практики Джек не остановился. Мы с мамой остались в Саффолке, а Джек перебрался в лондонский Кэмден-таун и с головой ушел в журналистику. С двадцати до тридцати лет он мотался туда-сюда через Атлантику и работал не покладая рук. Бывало, я просил Джека откладывать мне номера «NME», потому что у меня самого не было возможности регулярно доставать свежие журналы. Уже тогда я замечал, что своеобразная манера Джека вести интервью и бескомпромиссность его взглядов вызывают нешуточный резонанс среди читателей. Его аудитория разделится на два лагеря и тогда, когда он примется осваивать новые горизонты за пределами музыкальной журналистики.

Его первый нон-фикшн «Джек Спаркс верхом на кузнечике» (Изд-во «Эрубис», 2010) только на первый взгляд может показаться веселой безделицей, ведь его автор пересек всю страну, от Лендс-Энда до Джон-о-Гроутса, вдоль и поперек, оседлав упомянутую в заглавии детскую игрушку на пружинках. Однако в силу того, что Джек в течение всего путешествия держался в стороне от центральных автострад, книга вдруг оказалась увлекательным очерком о забытых достопримечательностях, разбросанных по редким дорогам Британии.

«Джек Спаркс среди бандитов» («Эрубис», 2012) запечатлела его прыжок в более мутные глубины общества, не исключено, что именно вследствие неоднозначных отзывов на дебютную книгу. Мне не нравилось, что мой брат путается с жестокими преступными группировками и документирует свои открытия, но объяснять это Джеку было бесполезно.

«Бандиты» принесли ему награду Сары Торнвуд. Книга оказалась глубокой по своему содержанию и расширила мои собственные взгляды на мир

организованной преступности как в Британии, так и в Америке. Примерно в это же время Джек заявил о себе как о яром атеисте и стал мелькать в роли приглашенной звезды в британских игровых телешоу, таких как «Забей на панк-рок», «Разве я вам вру?» и «Падающие звезды».

Его третья книга остается по сей день самой резонансной его работой. Одно только ее название, «Джек Спаркс под веществами» («Эрубис», 2014), работало лучше любой рекламы. Задумка книги состояла в том, что мой брат должен был испробовать все известные миру наркотики на себе и запротоколировать полученные впечатления. Я был категорически против, и в наших отношениях в это время наметился разлад. Не только из-за наркотиков, но в том числе и из-за них. Наркотики превратили Джека в нечто совершенно невыносимое. Я всегда буду сожалеть о том, как мы расстались, даже после того, как Джек лег на реабилитацию прошлым летом.

Шумиха вокруг последней книги Джека, которую он сам планировал назвать «Джек Спаркс в погоне за сверхъестественным», началась с того момента, как только было объявлено о ее публикации.

Как только на меня не нападали в Сети! Я даже получал прямые угрозы от фанатов, адресованные лично мне и моей семье. Одна такая фанатка, вооруженная тесаком, однажды посреди ночи объявилась на пороге моего дома. Сейчас она за решеткой.

Кто-то поддерживал выход книги, а кто-то вопил, что ее нужно запретить. Многим мое решение покажется хладнокровной, циничной и пошлой попыткой заработать на смерти Джека, который, как известно, не оставил после себя наследников. Я неоднократно заявлял об этом онлайн, но мои слова, видимо, потонули в оглушительном гвалте Интернета: моя доля гонорара будет разделена между крупными благотворительными организациями по борьбе с амиотрофическим склерозом во всем мире. Я до сих пор не могу смириться с тем фактом, что моего брата нет в живых, так что у меня нет ни малейшего желания наживаться на этом. Работа над книгой оказала на меня сильнейшее эмоциональное влияние. Все это время с огромным пониманием ко мне относилась Элеанор Розен, редактор Джека на протяжении пяти лет, но когда было необходимо, она умела настоять на своем.

Нам несказанно повезло, что мой брат писал свои книги непосредственно в процессе сбора материала для них. Другой на его месте собирал бы кипы записанных интервью, заметки и наброски, предпочитая разобраться со всем сразу постфактум, но Джеку не терпелось писать.

Он не любил расшифровывать интервью и потому с этой обязанностью тоже разбирался фрагментами, по мере продвижения.

Редактируя эту книгу, мы с Элеанор исправляли лишь самые незначительные опечатки и мелкие ошибки, стараясь во всем придерживаться формата и духа письма Джека, особенно во второй части, где это представляло особые сложности. Решение разделить книгу на две части было принято нами же. Я хочу поблагодарить Элеанор, которая уступила моей просьбе сохранить предназначенные для ее глаз заметки Джека, которыми пестрит этот текст.

Выражаю также глубокую признательность и соболезнования семьям погибших. Большинство из них разрешили использовать настоящие имена своих родных. Остальные имена были изменены. Поверьте, что решение опубликовать «Джека Спаркса в погоне за сверхъестественным» целиком и без цензуры всем далось нелегко, и я могу себе представить, как сложно будет скорбящим читать отчет об этих ужасающих событиях. В то же время я надеюсь, что книга в какой-то мере утешит и положит конец невыносимым слухам, в том числе и по поводу обстоятельств гибели моего брата.

Хочу поблагодарить мою замечательную супругу Хлою и наших дочерей, Софи и Ксанну, за их безграничную поддержку.

Мне бы хотелось, чтобы Джек никогда не посещал тот сеанс экзорцизма.

Мне бы хотелось, чтобы ему на глаза никогда не попало то злосчастное видео с YouTube.

Покойся с миром, брат, и знай, что я прощаю тебя.

Алистер Спаркс: «Бывший агент Джека Мюррей Чемберс предоставил мне их электронную переписку, начиная с письма, полученного им через день после

того, как мой брат посетил сеанс экзорцизма в Италии».

Дата: 1 ноября 2014.

От: Джек Спаркс.

Заголовок: RE: RE: Новая книга!

Кому: Мюррей Чемберс («Чемберс Эдженси»)

Мюррей, какого хера «Эрубис» требует 30 000 слов из книги, «прежде чем принимать дальнейшие решения»? У нас с ними контракт! А «Под веществами» уже восемь недель держится в топе всех рейтингов, как будто КЛЕЕМ приклеено!

Или они не прочитали мой концепт? Экзорцизм, одержимая девочка, ролик в Интернете... Гребаная мистика! Целая история!

Или Биллу Брайсону тоже нужно сдать 30 000 слов, чтобы подписать контракт на книгу, где он пишет только о себе любимом? Разумеется, нет. И я этого делать не должен. Разберись.

Дж.

Дата: 1 ноября 2014.

От: Мюррей Чемберс («Чемберс Эдженси»)

Заголовок: RE: RE: RE: Новая книга!

Кому: Джек Спаркс.

Джек, позволь освежить твою память.

1) Пока ты писал «Под веществами», ты успел стать наркоманом.

2) Мы были на волоске от того, чтобы нанять литературного «негра».

3) Ты позвонил директору «Эрубиса» на домашний в три часа ночи, обдолбанный в хлам, и несколько раз назвал его «обмудком».

Теперь тебе нужно провести работу над ошибками. Не в последнюю очередь благодаря последнему пункту. «Джек Спаркс в погоне за сверхъестественным» действительно четвертая из четырех оговоренных в контракте книг, но в «Эрубисе» а) не рассчитывали на книги о привидениях, б) хотят удостовериться, что ты вернулся в строй. Они нервничают. Я работаю над этим. И, увы, на поддержку Элеанор рассчитывать не приходится после того, как ты с ней обошелся. Так что пора закусить удила. Напиши 30 тысяч.

М.

P. S. Строго говоря, книги Брайсона не только о нем любимом. В отличие от твоих. (Это не упрек, просто имей в виду.)

Дата: 1 ноября 2014.

От: Джек Спаркс.

Заголовок: RE: RE: RE: RE: Новая книга!

Кому: Мюррей Чемберс («Чемберс Эдженси»)

Пошел бы ты на хер, Мюррей.

На. Хер.

Что за бредятина! Ну, был косяк. Я все еще ДЖЕК СПАРКС, Мюррей. Я не стану писать пробный образец для издательства. Ни 30 000, ни 30. И вообще, я не могу путешествовать, не получив аванса. Звони им и проясни ситуацию.

Дата: 2 ноября 2014.

От: Мюррей Чемберс («Чемберс Эдженси»)

Заголовок: RE: RE: RE: RE: RE: Новая книга!

Кому: Джек Спаркс.

Хорошо... Я уговорил их выплатить часть аванса. Божился, что ты в норме. Я свою шею ради тебя подставляю, надеюсь, ты это понимаешь.

Главное, напиши крутую и «четко изложенную» книгу.

И еще: ты когда-нибудь вернешь мне 500 фунтов? Пять месяцев прошло.

М.

Дата: 2 ноября 2014.

От: Джек Спаркс.

Заголовок: RE: RE: RE: RE: RE: RE: Новая книга!

Кому: Мюррей Чемберс («Чемберс Эдженси»)

Ага! Не сомневался, что они образумятся. Мюррей, книга будет – просто бомба.

МЫ ИХ ВСЕХ ПОРВЕМ!

Джек Спаркс

В погоне за сверхъестественным

Часть I

Глава 1

Перед тем как мы нырнем в развернутую пасть сатаны, Бекс, сидящая рядом со мной в очень тесной вагонетке, хочет кое-что прояснить.

– Говоришь, твоя новая книга посвящена сверхъестественному. Но сам ты в сверхъестественное не веришь. Ни грамма.

– Народ уже встрепенулся, – отвечаю. – Читала вчерашние холивары?

Она корчит мину.

– Почему ты никак не усвоишь, что я вычеркнула социальные сети из своей жизни?

– Потому что я тебе не верю.

– Последний раз меня туда заносило году в 2009-м, и это был какой-то сплошной базар, где каждый орет, как прекрасна у него жизнь, и никого, кроме себя, не слышит. Вряд ли что-то кардинально поменялось.

– Тогда почему ты до сих пор там?[1 - В своих книгах Джек крайне редко упоминает конкретные названия социальных сетей. Если верить его агенту Мюррею Чемберсу, он поступал так «в отместку» сайтам, которые отказывались платить за упоминание. – Прим. Алистер.]

Она недовольно фыркает, как кошечка, вздумавшая с кем-то поцапаться.

– У меня есть страницы, чтобы не терять связь со старыми друзьями, но я не мониторию обновления. Соцсети портят мое мнение о людях. Лучше не задумываться, сколько в них нарциссизма.

– Эгоистка ты, вот что.

– Не коротковата ли выйдет книга? Ну, колесит по белу свету один воинствующий атеист и ни во что не верит, и что?

Такая презрительная трактовка моей концепции заставляет меня нахмуриться.

– Разумеется, я буду строить повествование в рациональном ключе. Но в то же время я постараюсь оставаться непредвзятым. В Интернете многие верят в привидений, вот пусть они и подтолкнут меня в нужном направлении. Я начал вести список теорий, которые могут дать объяснение любым паранормальным феноменам. Я назову его УЖАСТИК Спаркса, как аббревиатура от...

– Я как-нибудь обойдусь без этой информации.

– А когда я допишу книгу, то смогу смело заявить всем чокнутым фанатикам, мол, был у вас был шанс меня убедить, но вы его просрали.

– Истинный джентльмен.

Когда Бекс сочетает высокий слог и сарказм, мои безответные чувства к ней только крепнут. Мои давние читатели должны помнить эту двадцатилетнюю

инструкторшу по фитнесу, которая так давно делит со мной квартиру, что отношения между нами уже вряд ли когда-нибудь перерастут во что-то большее. Также они знают, каких мучений мне стоит слушать, как она занимается за стенкой сексом со своими мужиками. (Не то чтобы у нее была куча разных мужиков. Она не такая. Уже полгода она встречается с неким Лоуренсом, явно скользким и слабохарактерным типчиком, серьезно.)

Я могу позволить себе открыто писать о своих чувствах к ней, потому что Бекс не читает мои книги. «Джек, мы живем вместе, – сказала она как-то раз, когда мы отвлеченно посматривали «Жителей Ист-Энда» и увлеченно наворачивали китайскую еду на нашем большом желтом диване. – С какой стати мне это еще и читать. Думаешь, мне охота заново переживать, как ты перенюхал кокса и валяешься под унитазом?»

Бекс самый адекватный человек из всех моих знакомых, хотя совершенно напрасно не читает моих книг. Сказать по правде, я всегда жду ее одобрения по поводу моих литературных идей. Вот и в этот раз мне очень хочется склонить ее на свою сторону.

Наша вагонетка, встрепенувшись, начинает тарыхтеть. Со скрипом мы катимся вперед.

– Как Греция? – интересуется Бекс.

– Италия, – поправляю я и повышаю голос, потому что сзади кто-то визжит. – Был жуткий переполох. Я некрасиво себя повел, и меня отругал экзорцист.

– И как нарочно, все это в Хэллоуин.

– А потом увидел этот странный ролик на YouTube.

Бекс переваривает мои слова. Вагонетка набирает скорость, и в последний момент Бекс спрашивает:

– Какой еще ролик?

– После расскажу.

И мы въезжаем в пасть сатаны.

Итак, отмотаем на сутки назад. Я – в самой глуши итальянской провинции. Это моя первая остановка в эпичном путешествии по миру сверхъестественного, которое занесет меня и к боевому магу из Гонконга, и к??? из??? к??? из??? не говоря уже о??? из??? (Элеанор: Пробелы заполню позже, когда буду знать, куда я, собственно, еду и кого там встречу. Если забуду, доверяю это дело тебе.)

Я вхожу в церковь.

Старое здание в гордом одиночестве стоит на холме, один склон которого резко уходит вниз отвесной стеной. Если бросить туда камень, чаша голых деревьев не даст ему долететь до земли и подхватит его на полпути своими кривыми узловатыми пальцами. Церквушка, как каменный сторож, оглядывает густой лес и жмущиеся друг к дружке холмы, выглядывающие из-за горизонта.

Убранство церкви строго аскетично. Ничего лишнего, разве что характерные статуи нависают над душой, призванные внушать трепет и чувство раболепия, да блистают позолотой символы величия и могущества. А самый эффектный элемент декора – витражное окно на противоположной стене церкви, сквозь которое пробивается зимнее солнце.

Я всегда считал, что церкви не заслуживают такой красоты, как витражи.

Царит такая тишина и благодать... Сложно поверить, что через полтора часа сюда вызовут «Скорую».

В половине второго, запыхавшись, с опозданием на полчаса, я вваливаюсь в церковь и приковываю к себе всеобщее внимание. Отец Примо Ди Стефано, восьмидесяти лет, приветствует меня натянутой улыбкой и скупым рукопожатием. Он одет в просторный черный балахон. Чопорные прислужники, подпирающие его с боков, оба одинаково упитанные и низкорослые, – в черные рубашки и серые брюки. Друг от друга они отличаются только растительностью на лице, так что условимся звать их Бородачом и Безбородым. К моим услугам здесь переводчик с итальянского – Тони. Его мы по понятным причинам будем звать переводчиком Тони. Невзирая на его волосатые, как у оборотня, руки, и грозную монобровь, нависшую поверх суетливых карих глаз, и зубы, между

которыми можно проехать на мотоцикле, Тони – единственный мало-мальски дружелюбно настроенный здесь человек. Мы успели найти общий язык во время перекура за порогом церкви, и он похвалил мою медную зажигалку «Зиппо». Эта старушка многое повидала на своем веку и изрядно потускнела, но дело свое делает.

Эта провинциальная церквушка – чужая территория для Ди Стефано. Он тут, в сущности, такой же гость, как и я. Сам же он на правах верной папской борзой базируется в Риме, а столь долгий путь проделал, дабы привести в исполнение миссию милосердия. Короче говоря, изгнать дьявола из тринадцатилетней девочки при помощи слов, жестов и всяческого библейского «Sturm und Drang»[2 – «Sturm und Drang» – «Буря и натиск» (нем.) – период в немецкой литературе и искусстве, отличительной чертой которого был отказ от культа разума, свойственный классицизму XVII в.]. Старик уверяет, что провел свыше двухсот сеансов экзорцизма. В качестве побочного эффекта – а как же – этот опыт снабдил священника материалами для прибыльного цикла книг с описаниями его походов. Среди них встречаются такие названия, как «На войне с дьяволом», «Битва с Антихристом длиной в жизнь» и мое любимое: «Я и сатана». Ну, точно какой-нибудь старомодный ситком. «На этой неделе наш герой отец Ди Стефано зовет друзей в гости, но его проказливый сосед сатана истребляет собравшихся, отрицая при этом господу бога!»

Промозглый ветер гуляет между церковными скамьями, на одной из которых сидим и беседуем мы с отцом Ди Стефано и переводчиком Тони. Нужно же как-то скоротать время до появления участницы сегодняшнего священного ритуала.

Экзорцизм уходит корнями глубоко в прошлое, на тысячи лет назад. Уже на заре цивилизации человек был склонен валить свои болячки, физические и психические, на злых духов. И конечно, начиная с древнеавилонских жрецов, всегда находились те, кто рад был назваться экзорцистом. Спасителем. Самым прославленным из них слыл Иисус Христос, которого хлебом не корми, а дай спасти кого-нибудь.

Ди Стефано считает, что в эпоху Интернета экзорцизм актуальнее, чем когда-либо.

– Интернет, – говорит он мне через Тони, – облегчает человеку доступ к информации, и не всегда эта информация полезна. Люди развлекаются за спиритическими досками и нарываюся на неприятности. А потом зовут нас на

помощь.

У священника побитое ветрами лицо и повадки мастиффа. В темных глазах – ни малейшего намека на чувство юмора. Меня он невзлюбил сразу. Его прислужники ошиваются в зоне слышимости. Такое поведение всегда раздражает меня во время интервью, и я прошу их отойти подальше, но мою просьбу бесцеремонно игнорируют. Вскоре мне становится понятно, что Ди Стефано туговат на ухо, когда ему это выгодно – например, когда я задаю каверзный вопрос. Но стоит мне сказать что-то провокационное, к чему ему захочется прицепиться, его слух резко обостряется.

За свою жизнь Ди Стефано успел раздать немало интервью, чаще всего приуроченных к выходу очередной его книги, но, насколько мне известно, ни одного журналиста раньше не подпускали пронаблюдать за проводимым им сеансом экзорцизма. Сегодняшнее мероприятие кажется этакой уступкой современным СМИ, хитрым пиар-ходом: если церковь продемонстрирует, как она помогает людям, она не утратит своего значения в глазах общества. Актуальность – вот о чем сегодня и впрямь следует беспокоиться религии. Только пусть имеют в виду, что переманить на свою сторону Джека Спаркса будет ох как непросто.

Ничего не могу с собой поделаться и воображаю Ди Стефано во время сеанса: вот у него физиономия кирпичом, а вот, стоит только дверям церкви закрыться, он вдруг заходится в безудержном хохоте, надрывая животики от того, какая дичь ежедневно сходит ему с рук. Но есть у этой истории и серьезная подоплека. Все-таки Ди Стефано постоянно приходится иметь дело с крайне неуравновешенными людьми всех возрастов (младенцы не в счет: младенцы истеричны по определению, так что, пока они не воспарят над колыбелькой, никогда нельзя быть уверенным, в себе они или не в себе). Наверняка среди клиентов священника львиная доля страдает от расстройства психики, а многие являются жертвами насилия.

– Верно, – соглашается, к моему удивлению, Ди Стефано. – Часто в процессе мы понимаем, что перед нами или душевнобольной, или человек с тяжелым прошлым. Демоны в таких случаях совсем ни при чем. Естественно, если такое происходит, мы направляем больного на соответствующее лечение. Потребность в экзорцизме встречается на самом-то деле достаточно редко.

– Откуда вы знаете, когда дело действительно в бесах? – спрашиваю я.

Ди Стефано смотрит на меня свысока, как на несмышленного неуча, строгим и холодным рыбьим взглядом.

– Этому учишься. С опытом начинаешь улавливать признаки истинной одержимости бесами, – говорит он. – Чувствовать их. Это совершенно особенное ощущение.

Н-да, конкретнее некуда.

– И как же именно ощущается истинный бес? – не унимаюсь я.

– Воздух... сгущается, – объясняет священник с отвращением. – Становится черным, как мазут. Это... – Он потирает большим и указательным пальцами в поисках слова. Потом обменивается с Тони итальянскими словами, быстрыми, как пулеметная очередь, и тот подсказывает слово с уст Ди Стефано:

– Угнетающе.

Священник продолжает:

– К тому же это видно по глазам одержимого. Вы ведь знаете, глаза – зеркало души. В них видно, кто и что обитает в этой душе.

– Как вы можете быть уверены, что все это не плод вашего воображения? – интересуюсь я.

Мастиффову морду перекашивает. Непростая задачка, когда на твоей физиономии и так не осталось гладкого места. Священнику явно не по душе то, какое направление принимает наша беседа. Все-таки подобные вопросы можно распространить и на всю религию в целом. Но он все-таки уступает.

– Я, насколько мне известно, из ума пока не выжил. Мои коллеги экзорцисты – тоже. А мы повидали такое... Поведение одержимых людей – это... это не игра воображения, – он обводит жестом церковь. – Думаю, сегодня вы и сами убедитесь.

Я спрашиваю:

– А вы видели «Изгоняющего дьявола»?

– Фильм-то? Давным-давно. Я уже плохо помню...

– Сеансы экзорцизма хоть чем-то на него похожи?

– Иногда да, – отвечает священник устало и, словно предвидя мой следующий вопрос, добавляет: – Вы поймите, экзорцизм существовал задолго до выхода этого фильма. Фильм опирался на уже существующие традиции. Но должен сказать, за свою жизнь я видел сцены и пострашнее.

Я придвигаюсь ближе, предвкушая сочную цитату.

– Можете дать конкретный пример?

Ди Стефано рассказывает о матери-одиночке бальзаковского возраста из Флоренции, которая плакала кровавыми слезами. Ее болезненная кожа позеленела и покрылась гнойными струпьями. Поднявшись в ее комнату на чердаке, священник начал прогонять ее демонов, но она шепотом произнесла задом наперед текст молитвы и выдавила собственный глаз ржавой ложкой. Ди Стефано (дело было в конце семидесятых, и он был обычным служкой) вместе с самим экзорцистом обездвижил женщину, приложил к глазу лед и отвез в больницу. Спасти глаз не удалось даже после пятичасовой операции. Но Ди Стефано уверяет, что беса из нее все-таки изгнали, и женщина смогла воссоединиться со своими детьми.

Я уговариваю его поделиться самым страшным своим воспоминанием, и он нехотя вспоминает случай с десятилетним мальчиком из Милана в 2009 году. Священник говорит о мальчике, и его зычный голос опускается до тихого шепота.

– Когда я стал изгонять из него демонов, он рассмеялся мне в лицо и один за другим переломал себе все пальцы.

– Но только на одной руке? – уточняю я с искренним интересом. – Не мог же он сделать это на обеих руках.

Ди Стефано бросает на меня свирепый взгляд, подумав, вероятно, что я издеваюсь.

Потом он опускает голову:

– Я не смог его спасти. Демоны вцепились в него мертвой хваткой. Я думаю, они делали это нарочно, чтобы отвести меня от главной миссии моей жизни. Во время третьего сеанса мальчик раскроил себе лицо об угол стеклянного стола. Кровь была повсюду. Во время пятого – угрожал моим племянницам. Сказал, что заставит меня смотреть, как он будет сдирать кожу с их лиц, а потом засунет ее мне же в горло.

Переводчик Тони сует в рот пластинку никотиновой жевачки.

Ди Стефано переводит дыхание и собирается с духом:

– Двумя ночами позже меня посетило видение.

А, ну да. Знаменитые видения Ди Стефано. Его книги изобилуют такими эпизодами. Видения заставляют его столбенеть на месте, и мозг его наполняется диковинными пророческими образами. Что характерно, он редко рассказывает о них окружающим до того, как они сбудутся в реальной жизни. Грешным делом можно даже заподозрить, что он притворяется провидцем задним числом!

– Перед глазами у меня встала такая картина: мальчик забивает молотком своего спящего отчима и прыгает в окно. И так оно и произошло, всего полчаса спустя. Мальчик выпрыгнул с десятого этажа прямо на оживленную дорогу. Ужасно, ужасно... Говорили, будто он выкрикивал богохульные вещи, пока падал вниз.

На этом он прерывает нашу дружескую беседу, пока я не додумался язвить на такую мрачную тему или, например, выяснять подробности об этом подозрительном отчине. Он встает и заявляет, что сейчас ему нужно помолиться

и подготовиться психологически.

Оставив его кланяться у алтаря, я размышляю о том, часто ли экзорцизм проводится прямо в церквях. Разве одержимые не должны воспламеняться, переступая через порог, или хотя бы банально сопротивляться? Тут что, никто не смотрел «Омен»?

Я открываю блокнот и изучаю список, над которым как раз работаю...

УЖАСТИК Спаркса (Учет Животрепещущих Аномалий: Список Теорий И Концепций) (Буду откровенен: мне пришлось обращаться за помощью к своим подписчикам, чтобы подобрать слово на «Ж». Сам я додумался только до варианта «Жубодробительный», что, согласитесь, никуда не годится).

Люди могут утверждать, что сталкивались со сверхъестественными явлениями, по следующим причинам:

1) Они обманывают других.

2) Другие обманывают их.

Вот они, две единственные, на мой взгляд, адекватные гипотезы, в порядке нисхождения от наиболее к наименее вероятной. И пусть вас не удивляет, что среди них нет заявлений типа «Привидения существуют». Мысль, что наш собственный мозг может играть с нами злые шутки и «подбрасывать» подобные видения, тоже не укладывается у меня в голове. Уж точно не без помощи ЛСД, ну а наркотики в таких вопросах – самый что ни на есть корень заблуждений любого сорта. Мне ли не знать, после того инцидента с гусепауком-аквалангистом[3 - «Джек Спаркс под веществами» (Изд-во «Эрубис», 2014). Стр. 146. – Прим. Алистер.].

Так что я поставил перед собой следующую цель и на сегодня, и на все время работы над этой книгой: распределить все, что увижу в своем путешествии,

между двумя указанными выше интерпретациями. А если случится так, что ни одна из них не будет подходить, я готов дополнить список третьей категорией.

Я-то считаю, что такое крайне маловероятно, но будем иметь в виду.

Тринадцатилетняя Мария Корви приходит в сопровождении своей матери, разменявшей шестой десяток Мадделены. Промозглый хэллоуинский воздух обращает их дыхание в пар. Они живут далеко отсюда, в глуши неприступных лесов, к которым не подобраться по протоптанным дорожкам. По пути сюда я за целых полчаса не встретил ни поселка, ни деревушки, только отдельные ветхие хижины, отодвинутые подальше от сумасшедших глинистых серпантин. Если когда-то в этой церкви и кипела жизнь большого прихода, то эти дни давно уж канули в небытие.

С первого взгляда Мария не производит демонического впечатления. В то же время и улыбочкой лапочкой, в отличие от Риган МакНил, героини Линды Блэр из «Изгоняющего дьявола», которая была младше всего на год, ее не назовешь. Мария Корви смотрит на мир с угрюмым пофигизмом типичного подростка, который изо всех сил пытается не выдать своего страха. Присмотритесь, и станет очевидно, что Мария, как и ее мать, охвачена безмолвным ужасом. Обе одеты в одинаковые невзрачные, практичные синие комбинезоны с сапогами – фермерская рабочая униформа. Мария симпатичная, но слишком исхудавшая девочка с осунувшимся лицом. Темные круги под глазами говорят о бессонных ночах. Немытые черные волосы свисают до середины спины.

Если не считать проступающей седины на макушке, Мадделена так похожа на дочь, что они могли бы сойти за пару матрешек.

Я внимательно наблюдаю за Марией, когда та переступает порог церкви. Нет, ее кожа не покрывается ожогами, а сама она не заходится воплем. Однако Мария поднимает руку к горлу и тяжело сглатывает, будто сражаясь с приступом тошноты. Поймав на себе мой взгляд, она неловко и с какой-то робостью отводит глаза и идет с матерью к Ди Стефано как ни в чем не бывало.

Священник приветствует Марию и Мадделену и пускается в пространную официальную речь на итальянском. Сейчас он напоминает мне тех телефонных операторов, которые начитывают в трубку юридическую тягомотину, пока ты

играешь в «Candy Crush» и периодически поддакиваешь. С оглядкой на мое присутствие он просит Марию и ее мать прямо подтвердить, что они участвуют в ритуале по доброй воле. Ди Стефано подчеркивает, что католическая церковь принуждает человека к подобному опыту вопреки его воле только в том случае, если он причинит кому-то вред или его сочтут опасным для окружающих.

– Не стоит бояться, – говорит он дамам. – Сегодня ты, Мария, освободишься от отрицательной силы, которой не место внутри тебя.

Позже мне объяснят, что церковники часто прибегают к этому эвфемизму – «отрицательная сила». Они считают, это позволяет избежать внушения субъекту посредством силы слова. На удивление разумная мысль с их стороны.

Мария с каменным лицом кивает. По ней не скажешь, верит ли она сама во все это или же идет на поводу у мамы. Может, Мадделена нашла на дочкином плеере альбом Оззи Осборна и, недолго думая, позвонила на горячую линию Ватикана по номеру 1-800-БЕСНОВАТЫЕДЕТИ?

Ди Стефано вкратце объясняет мое присутствие, после чего ведет Марию по пыльному церковному полу и ставит девочку перед алтарем. Ее мать подписывает протянутые Бородачом бумаги (ну да, а вы что думали: католическая церковь любит судиться не больше любой другой интернациональной корпорации). Потом Бородач с Безбородым усаживают нас – меня, Мадделену и переводчика Тони – на отведенную для нас скамейку в пятом ряду.

Мадделена догрызает последние ногти, а Тони переводит ее слова:

– Знаю, что это необходимая мера, но... Это же моя кровинушка... Я не понимаю. За что сатана выбрал ее?

Кажется, сейчас не самый подходящий момент говорить ей, что сатаны не существует. Или выпытывать, уверена ли она, что страдает Мария не обычным переходным возрастом, который со стороны и вправду выглядит диковато, особенно на фоне тихого сельского пейзажа. Я только спрашиваю, что подтолкнуло ее обратиться к экзорцисту.

– Мария начала ходить во сне, – объясняет Мадделена, не сводя глаз с дочери, которой священник приглушенным голосом дает финальные наставления. – Так я сперва решила. Посреди ночи нашла ее на улице, на опушке леса... – Мадделена обводит церковь беглым взглядом и продолжает: – Она стояла голая, в мороз. Я было подумала, она спит, и сказала: «Мария, пожалуйста, проснись». Но она повернулась ко мне. Глаза у нее были открыты. И улыбнулась. Никогда не видела на ее лице такой безумной улыбки. И тут она мне говорит: «Я и не сплю». А потом... – Женщина вот-вот расплачется, но берет себя в руки. Она понижает голос, и переводчик Тони вторит ее интонациям: – А потом... она ударила меня по лицу и сказала: «Сама проснись, шлюха Христова, пока я тебе сердце не вырвала».

С той ночи ночные похождения Марии участились. Мадделена уверяет, что запирала в доме все двери и прятала ключи, но Марии все равно удавалось улизнуть. Однажды глубокой ночью Мадделена и ее друзья, вместе с ней бросившиеся на поиски девочки, нашли Марию за милю от дома. Та, снова голая, каталась по земле, обмазываясь кровью оленя, которого зарезала прихваченным из кухни мясным ножом.

Мадделену передергивает.

– Она смеялась, когда мы ее нашли. После этого я чувствовала себя в такой растерянности. Я поняла, что только церковь может помочь в нашем положении. Старый пастор, хозяин этой церкви, помог мне связаться с отцом Ди Стефано в Риме. Этот добрый человек прислал к нам помощника взглянуть на Марию, и было решено, что молитва – лучшее решение.

Еще один эвфемизм. Куда как легче решиться на молитву, нежели на экзорцизм. На мой вопрос, не задумывалась ли Мадделена о медицинском вмешательстве, она делает такое лицо, что становится ясно: в науку и докторов эта женщина верит примерно так же, как я в священников и религию.

– Ну, если ничего не поможет, тогда может быть... – протягивает она, как будто это в самом деле будет крайняя мера.

Преображение Марии Корви застает меня врасплох. Я никак не ожидал, что в этом тощем ребенке окажется скрыта такая сила.

Девочка сидит на скрипучем стуле перед алтарем. Она как будто погружена в себя, но ведет себя послушно, склонив голову, сложив на коленях руки. Живые эмоции проступают на ее лице, только когда она переглядывается с матерью. Бьюсь об заклад, что это – враждебный взгляд, как бы говорящий: «Ну, ты довольна? Я делаю все, как ты хочешь».

Но мать понимает взгляд дочери как-то по-другому. Она ободрительно улыбается в ответ и в волнении заламывает руки. Можно подумать, ее ребенок готовится к прослушиванию на «Американского идола».

Ди Стефано встает перед Марией, разложив на ладонях старинную Библию в кожаном переплете. Бородач и Безбородый занимают позиции у противоположных стен и складывают руки за спиной.

Священник зачитывает из книги пространные пассажи. Его слова гулким эхом отскакивают от потолка. Мария смущается, не понимая, как вести себя в такой ситуации. Происходящее смутно гипнотизирует. Накануне в Риме я допоздна не ложился спать, и теперь картинка перед глазами начинает расплываться, и я погружаюсь в полудрему...

Тут тело Марии вытягивается, словно через нее пропустили электрический разряд. Глаза вылезают из орбит, руки-ноги выпрастываются во все стороны. Мне отсюда не видно ее ступней, но на руках пальцы широко расставлены и дрожат. Она застывает в таком странном положении на короткий миг, а потом стул под ней не выдерживает и с громким треском ломается.

Мария падает наземь, ее спина неуклюжей дугой ложится поверх поломанных деревяшек, тело обмякает. Я разочарованно качаю головой. Жаль, что всемогущественная церковь вынуждена опускаться до примитивной клоунады и подпиливать ножки у стула, лишь бы оживить представление. Смотрите на следующей неделе: Мария и отец Ди Стефано тащат пианино на верхний этаж с уморительными последствиями.

Рядом охает Мадделена, сжимая в руке четки, нитка в которых вот-вот лопнет. Бородач и Безбородый бросаются к бесчувственному телу, осматривают девочку, осторожно извлекая из-под нее обломки стула, и снова уходят в тень. Ну, прямо два звукача, подоспевшие, чтобы поправить расшатавшуюся микрофонную стойку во время концерта.

Ди Стефано отрывается от Библии и переключает внимание на распластанную на полу девочку.

– Я взываю к злему духу, который обретается в теле Марии Корви, – декламирует он. – Назовись, или я сделаю это сам.

На слове «сам» происходит нечто драматичное. И я готов это признать, что этому «нечто» найти объяснение не так просто, как волшебным образом надломившемуся стулу.

В детстве у меня была игрушка, такие еще иногда называли «танцующими». Маленький деревянный ослик на цилиндрическом основании, шнурок соединял между собой крошечные детальки его туловища. Если нажать пальцем на базу игрушки снизу, ослик заваливался. Но стоило снять палец с кнопки, и ослик тут же возвращался в прежнее стойкое положение.

Мадделена испуганно вскрикивает. Точь-в-точь как мой игрушечный ослик, Мария подскакивает с пола церкви. Пятками она упирается в пол, а все остальное тело резко вздымается вверх, как будто его дернул какой-то невидимый кукольник. Только в отличие от моего ослика Мария продолжает шататься. Ее тело кажется тряпичным. С закрытыми глазами она покачивается из стороны в сторону, как будто ее носит по волнам. Я приподнимаюсь, чтобы скамейки не мешали смотреть, и вижу, что Мария стоит на самых цыпочках. Уже то, что живой человек встал в такую позицию, кажется невозможным, не говоря уже о том, чтобы так долго его удерживать. Ее центр тяжести не то что смещен, он как будто вообще отсутствует. Дэвиду Блейну есть чему поучиться.

Отца Ди Стефано подобное, разумеется, не смущает. Он видел это уже не раз. Будем откровенны, он сам это и придумал. И когда он повторяет свои воззвания к овладевшему Марией злу, требуя его назвать свое имя, меня осеняет. Помните героя Джима Керри из «Шоу Трумана», который обнаружил, что мир вокруг него – ненастоящий? Вот и сейчас все это – одна сплошная инсценировка, подготовленная специально для меня. В каком-то смысле многим журналистам знакомо чувство, когда из стороннего наблюдателя ты превращаешься в искру, подогревающую те или иные события.

Мария Корви может и не быть профессиональной актрисой, но наверняка они с Мадделеной уже задумались об этой карьерной дорожке, сулящей лучшую

жизнь (Элеанор: Только давай без нотаций о клевете, я не вынесу еще одного дебата, как тогда с Кэти Перри и... ну, ты понимаешь). Плотные ряды скамеек и пустое пространство перед алтарем напоминают зрительный зал и сцену; за кулисами притаились работники сцены, Бородач и Безбородый. А разве не в этом всегда состояла суть церкви? В зрителях, которые стекаются на представление? А я, разумеется, задвинут на галерку, чтобы не дай бог не запечатлеть этот пропагандистский спектакль с неудобного ракурса.

Веки Марии приподнимаются, и я замечаю, что ее глаза теперь подернуты какой-то ловко нанесенной желтой пленкой. Хороший штрих. Она все еще держится на цыпочках, и я начинаю подозревать, что под ее комбинезоном, как нарочно большого размера, прячется какой-то каркас для тела. Губы Марии растягиваются, обнажая зубы в нездоровой ухмылке. Ее звонкий и детский голос не сочетается со словами.

– Грязный извращенец, – говорит она священнику, с наскока раскрывая тему сексуальных девиаций по минимальной, заданной Фридкином, планке. Переводчик Тони почтительно понижает голос, продолжая шепотом переводить ее слова на английский:

– Сам трахаешь детей и смеешь судить меня?

Мария заливается скользким смехом. Если бы змеи могли смеяться, то делали бы это именно так.

А она хороша, эта Мария – если ее и впрямь так зовут.

Такому типу, как отец Примо Ди Стефано, обвинения в растлении малолетних – хоть от живых, хоть от мертвых сущностей – что с гуся вода. Запустив руку под одеяния, он вытаскивает на свет старомодный деревянный крест с фигуркой распятого на нем Христа.

Он сует эту палочку-выручалочку Марии в лицо, и ту будто ослепляет солнечным светом. Она бросается на крест и на священника с растопыренными подобно когтям пальцами. Ди Стефано делает шаг назад, а Бородач с Безбородым спешат на подмогу и крепко хватают Марию под руки. С невесть откуда взявшейся силой она вырывается из их лап, отшвырнув Бородача наземь.

Мария говорит, и ее голос, который пронзают визгливо высокие нотки, делается вдруг глубоким и гортанным:

– Мария принадлежит нам. Мы ее кровь, ее плоть, ее кости, ее органы. Мы высвободили ее душу. Причиняя нам боль своими побрякушками, ты делаешь больно только ей.

Ди Стефано делает шаг ближе к эпицентру и говорит, потрясая крестом:

– Это малая жертва ради того, чтобы вызволить ее душу.

Интересно, как Мадделене понравится то, что Ди Стефано принимает такое решение, не посоветовавшись? Однако мать, представьте себе, ничему не возражает. А впрочем, что это я. Она ведь и так с ними заодно. Просто играет свою роль по сценарию.

И далее в том же духе. Желтоглазая Мария кроет Ди Стефано на чем свет стоит, брызжет слюной, визжит, в общем, всячески безобразничает. Ди Стефано – упорствует и не теряет праведной веры. Он вооружен религиозными артефактами, как перцовым баллончиком, и поминает имя Христа не реже трех раз в минуту. Переводчик Тони едва поспевает за ними двоими.

И, в общем, такое дело. Запретный смех сладок – это неоспоримый факт.

Сакральные ситуации пробивают на ха-ха. Таков уж закон природы. В те минуты, когда тебе ни за что, ни в коем случае нельзя смеяться, смех становится особенно заразительным и взрывоопасным. Он подступает с такой же жуткой неотвратимостью, как «апчхи», как зуд, который непременно нужно взять и расчесать, и плевать, как нелепо ты будешь при этом выглядеть.

Это может произойти, когда ты сидишь в окружении убитых горем людей на похоронах. Или перед камерой теленовостей, когда ты оповещаешь мир об очередном геноциде.

Ну, или в моем случае – на сеансе липового экзорцизма.

Не могу же я быть единственным человеком в мире, кто считает «Изгоняющего дьявола» комедией? Даже в детстве, когда я впервые посмотрел его в конце восьмидесятых, мне хотелось смеяться до слез, а не плакать со страху. Меня только забавлял нарочитый пафос картины. «Силой Христа заклинаю тебя!» – фразочка, идеально подходившая для веселых забав на детской площадке.

Мы набираем обороты, и сдерживать смех с каждой секундой становится все труднее. Это цирк, разыгранный на таких серьезных щах, что смех – единственная здоровая реакция на происходящее. Я даже не сомневаюсь, что мой смех расценят как антирелигиозный комментарий, хотя я и правда веселюсь от души. Но неослабевающая вера человечества в так кстати незримых бесов действительно тормозит развитие науки. Религия держит прогресс в узде и поощряет умственную деградацию.

В 2012 году американскому фокуснику Уэйну Хучину подожгли голову во время его телевизионного выступления в Доминиканской Республике. Поджог совершил человек, принявший фокусника за мага вуду. В 2013-м опрос установил, что больше половины американцев верят в дьявола и экзорцизм. А чуть раньше в том же году в документальном фильме об «исцелении содомии» британский доктор и телеведущий Кристиан Джессен брал интервью у подростков, которые искренне полагали, что причина гомосексуальности кроется в нечистой силе.

По всему миру известны случаи, когда святая вера в одержимость дьяволом приводила к смерти. Иногда это были преднамеренные убийства: детей сжигали или хоронили заживо. Чистой воды Средневековье. А бывало и так, что смертельными оказывались попытки вытравить этих воображаемых демонов, зачастую при содействии такого вот грошového экзорциста. Не далее как в 2011-м на Филиппинах что-то пошло не так в процессе затянувшегося на пять дней экзорцизма, и страдающую анорексией девочку, звали которую Дорка Белтре, заморили голодом до смерти.

Так что смейтесь вместе со мной над этой средневековой дикостью. Это наш с вами гражданский долг.

Хохот вырывается из меня зычным раскатом грома, гипертрофированный в собственном неуместном величии.

Когда мы вырываемся из пасти сатаны, идентичной той, которая оформляет вход в аттракцион, Бекс верещит не умолкая.

Банальный поезд-призрак делает из нее полуобморочную барышню. Каждый раз, без исключения, она, как коала, испуганно обхватывает меня руками, когда капроновая паутина щекочет наши лица, а со всех сторон выпрыгивает механическая нечисть.

«Адский отель», затянутый в паутину пошлых электрических гирлянд, рельсов аттракционов и крутых журавлиных изгибов американских горок, расположился на краю Брайтонского пирса. Теперь, когда мы оба в Брайтоне и хотим куда-нибудь выбраться и пообщаться, мы катаемся на поезде-призраке, пропускаем по пинте и заедаем все это картошкой. Это наша традиция. Я посещал «Адский отель» чаще, чем все настоящие отели, вместе взятые, Бекс – тоже. Однако это место не теряет над ней своей первобытной власти. Я, в свою очередь, никак не нарадуюсь на олдскульные шестереночные механизмы, которые двигают нашу вагонетку по темноте. Сегодняшняя вылазка имеет для меня особое значение: мы здесь с ней впервые после того, как я вышел из реабилитационной клиники несколько недель назад.

Мы меряем шагами обворожительно кривую брусчатку и прогуливаемся по пирсу, двигаясь к его центру, где стоит наш паб, «Виктория». На западе полыхает горизонт. Над головами парят чайки, которых будто против воли несут туда-сюда шальные ветры, так и норовящие скользнуть тебе в глотку, пока ты волей-неволей не переведешь дух. Бекс двумя руками обхватывает непослушную копну рыжих кучеряшек и умирляет их резинкой.

– Кажется, я никогда тебя не спрашивал, – говорю я. – Если не ошибаюсь, ты вроде бы не религиозна, но возможность существования бога не отрицаешь. Может, ты и в привидений веришь?

– Если допустить, что бог существует, придется допустить и то, что существуют привидения. Наверняка ведь все равно не узнаем, согласись.

– Как раз не соглашусь. Благодаря науке мы именно наверняка и знаем.

– Ну откуда мы можем знать, что происходит после смерти? Это же смерть! Тайна тайн. Просто невозможно представить собственное несуществование.

Того, что до скончания вечности ничего не будешь чувствовать.

- Разве ты чувствуешь что-то, когда спишь?

- Я вижу сны.

- Поздравляю.

Только я собираюсь растолковать ей подтвержденную неумолимыми фактами правду о так называемых «предсмертных состояниях», переживаемых на операционном столе, как Бекс в очередной раз меняет тему:

- Так все-таки что случилось в Италии?

На ходу я рассказываю ей о попавшей мне в рот смешинке. Когда Бекс смеется и даже когда просто улыбается, она прикрывает рот рукой, потому что переживает, что у нее слишком большие зубы. Зря она переживает.

- Ты ужасный человек. И при чем тут видеоролик из Интернета?

- Я до этого еще не дошел. Дай рассказать все по порядку!

- Ладно. Ну так что? Ты засмеялся во время экзорцизма...

Я отвечаю готовым заголовком из какой-нибудь скандальной колонки:

- И ты не поверишь, что произошло потом...

Алистер Спаркс: «Далее следует телефонная переписка между мной и Джеком, состоявшаяся за неделю до поездки Джека в Италию».

20 октября 2014

Джек, привет. Давно не виделись, все дела. Надеюсь, у тебя все нормально. Говорил с твоим агентом, Мюрреем. Рад, что ты вылез из больницы и пишешь новую книгу. О чем она будет?

Как же, можно подумать, тебе не по барабану. И не надо обсуждать меня за моей спиной.

Джек, конечно, мне не по барабану.

Ты что, религию для себя открыл, или что?

Несмотря на наше прошлое, мы могли бы постараться не ссориться. О чем твоя книга?

ХА, «наше прошлое», ну спасибо, что напомнил. Книга о привидениях. Теперь можешь отвалить.

Неужели?! Почему именно о привидениях?

(осталось без ответа)

Глава 2

Отец Ди Стефано разгибает спину, и серебряный алтарный крест оказывается ровнехонько у него за спиной. Полы рясы пафосно колыхаются, а глаза становятся как блюдца.

- Синьор! Что вы себе позволяете! Прошу вас проявить уважение!

Ди Стефано хорошо отыгрывает праведный гнев. За свои восемьдесят с гаком ему много на что приходилось погневаться, начиная моральным упадком общества и заканчивая тем, что приходится тужиться, когда он ходит в туалет по-маленькому. Добавьте к этому ватиканскую дозу ревностной религиозности, и человека может апоплексический удар хватить.

Бородач и Безбородый хмурятся и стискивают вытянутые по швам руки в кулаки. Взгляд Мадделены обжигает мне лицо.

Церковь впадает в недовольное безмолвие.

Улыбаясь во все тридцать два зуба, я поднимаю руки над головой и аплодирую собравшимся артистам. Каждый хлопок превращается в эхо под сводами.

- Не напрягайтесь так, - говорю я им. - Мне все нравится. Очень увлекательный спектакль.

Тони услужливо переводит.

Любопытнее всех реагирует Мария. Она не пускается в проповеди о распятом назаретянине, а просто смотрит на меня в упор. В луче солнечного света ее желтые глаза как будто горят огнем. Она вопросительно склоняет голову набок. А потом улыбается мне. Все хмурятся, а она - улыбается. Видно, не выходит из образа. Импровизирует. Экспромт! Надо же, какая умница.

Она оборачивается и смотрит куда-то в глубь церкви. Проследив за ее взглядом, я упираюсь в то самое витражное окно, украшающее дальнюю стену. Потом Мария снова переводит взгляд на меня и смотрит с каким-то странным пониманием. Хоть ты тресни, не могу взять в толк, что должен означать этот финт с окном.

Отец Ди Стефано явно хочет поскорее вернуть собрание в прежнее русло и начинает декламировать, судя по всему, текст молитвы для изгнания демона. Мария не обращает на него внимания и по-прежнему не сводит с меня глаз. Устав от ее ухмылки и глаз, как из дешевой кинокартины, я вынимаю свой телефон. Связь здесь не очень, но мне удастся поймать сигнал.

Возгласения Ди Стефано вместе с переводом Тони («Во имя Господа Бога нашего Иисуса Христа, молитвами Божьей Матери непорочной Девы Марии...») растворяются в белый шум, пока я проверяю обновления. Социальные сети как всегда ударяют в голову фонтаном сердечек и вопросов.

«Сколько ты провел в клинике, бро?» – интересуется читатель «Джека Спаркса под веществами» Monkub17 (ответ, если вам тоже любопытно: два месяца, и с тех пор употребляю исключительно алкоголь, с которым у меня и так никогда не было проблем), а PaulTrema8 хочет знать, о чем будет моя следующая книга (как будто по упоминанию экзорцизма нельзя было догадаться). А вот SpazzDick2, напротив, любезно предупреждает, что оторвет мне «бошку на хер само довольное (орфография автора) чмо». Я-то был уверен, что заблокировал его на той неделе, но нет, видимо, заблокировал я его предшественника, SpazzDick1.

– ...Как воск плавится в огне, так злые духи обратятся в ничто в присутствии Божьем... – гундит Ди Стефано, и Мария огрызается в ответ.

Может показаться, что я забил на свои журналистские обязанности, раз сижу в Интернете во время экзорцизма. Но среди этого драмкружка соцсети кажутся мне жизненно важным связующим звеном с реальным миром. Испытывая непреодолимое желание дотронуться до этого мира, я шлю в него свое послание:

«Некрасиво, наверное, смеяться в ходе экзорцизма тринадцатилетней девочки? Ну, а я вот посмеялся. Видели бы вы этот ЦИРК».

Сначала я подумываю прикрепить к записи фотографию экзорцизма в полном разгаре, но решаю, что это перебор. Еще, чего доброго, Бородач с Безбородым завалят меня на пол и попытаются отобрать телефон. Я-то с ними обоими справился бы, факт, да связываться неохота.

Ди Стефано, кажется, вошел в комфортный для него ритм. Он хватает деревянный посох с перфорированным железным набалдашником и в паузах монолога чем-то сбрызгивает Марию при помощи этого инструмента.

- Изгоняем тебя от нас, кто бы ты ни был...

Каждый раз, как капли падают на Марию, она вскрикивает. Ах да, святая вода! В ход пошла тяжелая артиллерия. Еще один пункт программы закрыт.

- Нечистая сила, духи сатаны и все бесовские узурпаторы...

Мария снова взвизгивает и скалит зубы.

- Бедная девочка, - рычит она. - Ей так больно. Но она заперта глубоко в собственном теле и скорее умрет, чем мы отпустим ее.

- Вся скверна, легионы, тучи и секты...

Трижды брызги воды окропляют ее лицо, и Мария извивается в агонии. Характерно, что ее кожа краснеет, словно обожженная. Интересно, как они добились этого эффекта. Надо было внимательнее следить.

- Помнишь мальчишку, который предупреждал тебя однажды о племянницах? - говорит Мария. - Он не шутил. Можешь не сомневаться.

Ди Стефано украдкой бросает в мою сторону многозначительный взгляд, как бы в доказательство, что ли.

Отличный момент. Очень умно. Предыстория - это всегда хорошо.

Между тем в Сети комментариев в ответ на мой пост про экзорцизм набралось уже под две сотни. Почти во всех - вопросы, правда ли я нахожусь сейчас на сеансе и где конкретно он проходит. Некоторые пишут, как им было бы страшно наблюдать за настоящим экзорцизмом, другие смеются вместе со мной. «Такое что, еще бывает? - не верит Domina22 из Кейптауна. - Как будто науки и не существовало никогда».

Бородач и Безбородый не дают Марии вырваться. Между тем напряжение растёт, и процедура близится к кульминации. Ди Стефано начинает сыпать высокодуховными цитатами особенно громко и настойчиво. Одно знаю точно: если Мария сейчас не следует заветам Станиславского, ей срочно требуется направление на томографию. Ртом у нее идет пена, зрачков не видно вовсе, а шея как будто бы вытянулась, но дело здесь, очевидно, опять-таки в ракурсе. Эти ребята никогда не упустят случая отработать ракурс.

В конце концов она содрогается в конвульсии, сбрасывает с себя руки служек и падает на колени. После чего отрыгивает нечто красное и почему-то твердое. Нечто падает на пол с совсем уж неожиданным лязгом.

Так, ясно, кто-то вырулил на новый уровень. Я снова весь внимание. Нет, все понятно, рвота – очередной экзорцистский штамп, но почему все-таки лязг, интересно? Я вытягиваю шею, чтобы получше разглядеть, но ничего не получается, так что я вскакиваю с места, протискиваюсь мимо Мадделены и подбираюсь ближе. Я как тот зритель из зала, который бежит мимо охраны, чтобы посмотреть вблизи на иллюзии Пенна и Теллера.

Безбородый вскакивает и дает мне знак оставаться на месте. Игнорируя его потуги, я силюсь рассмотреть, что сейчас выплюнула Мария. Я вижу кровь, какое-то губчатое месиво и... куски железа, которые сложно идентифицировать.

– Изыди из несчастной, – повелевает Ди Стефано. – Это дитя Господне!

Девочка, все еще корчась на четвереньках, прыскает со смеху. Кровавые нити слюны тянутся от ее губ до самого пола.

– Возвратись, откуда явилось, в бездну преисподней. Силой Христа заклинаю тебя!

Меня эта фраза только смешит, а вот Марию она в буквальном смысле сотрясает. С яростным воплем, не уступая по натиску самому священнику, она отвечает:

– Оставь нас в покое, Ди Стефано! А не то мы растерзаем эту дрянь!

Спазмы пробегают по всему ее туловищу, а пальцы впиваются в дощатый пол.

Меня передергивает, когда один ее ноготь загибается назад и с хрустом надламывается.

Мария запрокидывает голову, и у нее изо рта с фонтаном алых брызг исторгается некий предмет. Нежданный снаряд впивается в бедро Ди Стефано и остается, подрагивая, торчать оттуда. Священник вскрикивает от боли и хватается за ногу. Его руки окрашиваются его собственной кровью.

Бородач встает между ним и Марией, своим телом заслоняя священника от потенциальных снарядов. Безбородый спешит на помощь Ди Стефано, но тот все-таки падает наземь и ударяется головой.

Я никогда не видел ничего подобного даже в пору внедрения в дичайше непредсказуемый мир уличных банд. Царит такой неподдельный хаос, что моя теория «Шоу Трумана» начинает пошатываться.

Ненадолго.

Мы находимся у черта на рогах, и «Скорая» добирается до нас только через полчаса.

Пока мы ждем, Бородач и Безбородый в силу своей компетенции пытаются привести Ди Стефано в порядок. Они сдвинули две лавки, превратив их в некое подобие койки, и уложили на них Ди Стефано. Раскачиваясь из стороны в сторону, он кряхтит и бормочет молитвы на итальянском. Служки режут и рвут рясу вокруг раны, обнажая ржавый шестидюймовый гвоздь, впившийся в тощую бледную ногу священника. Я наклоняюсь к нему поближе, насколько позволяют приличия. Гвоздь выглядит самым что ни на есть настоящим. Никаких тебе накладок на липучках.

Любопытно. Получается, Ди Стефано готов пойти на все, лишь бы убедить меня, этакого фому неверующего, в реальности сатаны, даже если для этого придется воткнуть себе в ногу гвоздь. Или просто они с Корви вовсе ни в каком и не в сговоре? Тогда, выходит, Ди Стефано проворачивал свою обычную театральную программу перед жрущим железо подростком, и колеса кармического правосудия подмяли его под себя.

Я изучаю рвотную массу на полу. Прелестно. Вот валяется еще гвоздь, идентичный тому, что торчит из ноги Ди Стефано, и вот еще один невнятный покореженный обломок металла. Я наклоняюсь, чтобы поднять гвоздь, но Безбородый одергивает меня лаем, который, как выяснится позже, означает: «Ничего не трогай». Переводчика Тони, к счастью, поблизости нет, так что я с невинным видом продолжаю перекачивать гвоздь в пальцах. Он действительно сделан из тяжелого металла.

- Положите на место! - командует Бородач. - Это теперь дело полиции.

- Нет-нет, - цедит сквозь зубы Ди Стефано. - Я не стану писать заявление на ребенка, который не ведает, что творит.

Подозреваю, старик уже жалеет, что пустил журналиста на сеанс. Надо думать, он рассчитывал, что экзорцизм пройдет без подобных загвоздок. Какая удача, что я вписал неправильное имя в документ, гарантирующий Ди Стефано право контрольного экземпляра. Для тех, кто не в теме: контрольный экземпляр - это когда интервьюируемый имеет право прочесть финальный вариант текста и внести свои коррективы, другими словами, потребовать удалить негодные ему фрагменты. Это явление ворвалось в журналистику лет десять-двадцать назад, когда один бесхребетный писака прогнулся под большой звездой и наделил ее подобной властью. С тех пор эта история в нашей профессии как бельмо на глазу, заодно со всякими другими ограничениями вроде присутствия пресс-секретарей на интервью или заранее одобренных вопросов. А вы еще спрашиваете, почему я перешел на литературу...

Спектакль окончен, и Мария приняла свой прежний вид. Желтизна сошла с белков ее глаз, и шея снова кажется нормальной длины, вот только лицо остается пунцовым, и сломанный кровоточащий ноготь выглядит болезненно. Они с матерью сидят в сторонке, и девочка с диковатым испуганным видом спрашивает мать на беглом итальянском. Мадделена, с трудом сдерживая слезы, пытается отвечать на вопросы дочери, параллельно вытирая носовым платком кровь с губ Марии.

Поймав на себе обжигающий пристальный взгляд Мадделены, я пытаюсь объяснить, что смеялся не над ее дочерью, а над самой ситуацией. Без Тони некому помочь мне справиться с этой задачей, и одних моих интонаций оказывается недостаточно. На вопрос, что она намерена предпринять дальше, Мадделена выдавливает несколько слов на английском:

– Не знаю. Может, к доктору...

Я соглашаюсь:

– Это правильно. Надо испробовать все варианты.

Я не хочу говорить очевидного, поэтому не добавляю: «Тем более что тут вашу дочь как бы рвет кровью и железом».

– Синьор, – подзывает меня Ди Стефано.

Я иду на поиски Тони и нахожу этого лентяя на улице. Он стоит на лужайке и тарачится на отвесный утес за церковной стеной, выдувая ноздрями сигаретный дым. Я рассказываю это не просто так: Тони буквально подпрыгивает, завидев меня. Он так выбит из колеи моим появлением, что машинально тянется к крестику, который болтается у него на шее. До чего все-таки сильный эффект такие штуки, как экзорцизм, производят на верующих людей. Тони стряхивает оцепенение и возвращается со мной в церковь, отбросив сигарету прочь.

Двое из ларца как смогли приостановили кровотечение священника, но Ди Стефано успел стать белее мела. Служки что-то нашептывают ему на ухо по-итальянски, вероятно, просят не обращать внимания на глупого журналюгу и побережь силы. Но вопрос, не дающий Ди Стефано покоя, не терпит отлагательства:

– И что же, по-вашему, такого смешного в экзорцизме?

Он сверлит меня мертвецки пристальным взглядом.

Будь я Луисом Теру или Джоном Ронсоном, в этом месте я бы нервно поправил очки на переносице и уклончиво ответил бы вопросом на вопрос – короче, как-нибудь отбрехался. (Элеанор: Нет, я не забыл, что вы с Мюрреем не любите, когда я поминаю этих двоих в печати, но на той неделе Ронсон сам прошелся по мне в радиоэфире. Он не называл меня по имени, но намеки были недвусмысленные. А в «Таверне Фицроя» один из лакеев Теру не удержался и проговорился о продажах книг Луиса и количестве просмотров в Интернете и спросил, не снимают ли по моим книгам сериал. Так что с моей точки зрения

– они первые начали.) Но я отвечаю Ди Стефано без обиняков, мол, рассмеялся потому, что процесс изгнания дьявола напомнил мне клоунаду.

Ди Стефано принимает мой щелчок стойко, если можно так выразиться о человеке, неуклюже растянувшись на паре лавок, в разодранном платье, с куском металлолома, торчащим из ноги.

– Дело в том, что так я вижу любую религию, – продолжаю я. – Я...

– Вы атеист, – обрывает меня священник. – Да. Я слышал о вас. Вы атеист и наркоман.

Он кряхтит и обхватывает ногу синюшной рукой. Видя его мучения, я злорадствую. Потому что я не наркоман, хотя в лечебнице меня каждый день пытались убедить в обратном. Наркозависимость совсем как религия, она для слабаков. А я сейчас, в эту самую минуту, ясным промозглым днем, чувствую себя на коне. Все в моих руках. Все прекрасно. Я даже и думать забыл о кокаине, который успел особенно прилюбить. Безбородый вчитывается в мелкий шрифт на упаковке обезболивающих. С Бородачом они спорят, можно ли скормить священнику еще таблеток, пока не приехала «Скорая».

Я говорю Ди Стефано:

– Сначала я подозревал, что Мария с вами заодно, но теперь, – я перевожу взгляд на торчащий из раны гвоздь, – я в этом сомневаюсь.

– Что ж, хоть в чем-то нам удалось вас переубедить, – замечает священник. – Но уверяю вас, ни в чьих действиях сегодня не было обмана. Обманываете себя только вы.

Обходя стороной этот детсадовский, на уровне «сам дурак», комментарий, я говорю:

– А если серьезно... Разве вы не видите, что девочка психически нездорова?

Ди Стефано включает свою избирательную глухоту.

– Хочу предупредить, – говорит он. Прежняя громогласность улетучилась из его голоса, и он звучит чище, но все-таки подозреваю, что священник мне угрожает. – Вы, конечно, можете смеяться в церкви, ваше право. Над нами ежедневно смеются. Но когда вы смеетесь над...

Он окидывает церковь беглым взглядом.

– Над дьяволом? – спрашиваю я повышенным тоном, так, чтобы меня услышала и Мария, и остальные, в надежде, что она и Мадделена вобьют себе это в голову. – Не существует никакого дьявола!

Ди Стефано издает странный звук, вроде лошадиного ржания. Кажется, в том смысле, что я лезу в бутылку, задирая главного по подземелью.

Мадделена стоит в сторонке. Она одна. Должно быть, женщина усердно подслушивала наш разговор, потому что только сейчас она замечает, что Марии рядом нет. Тряся волосами, мать рыщет глазами по церкви.

Я самым раздражительным образом хмурюсь, глядя на Ди Стефано.

– Почему сатану должно это задеть? Разве его величайшая хитрость не в том, чтобы убедить мир в его несуществовании?

– Мария! – зовет Мадделена и взмахом руки отдергивает занавеску с исповедальни. Каморка оказывается пустой.

Ди Стефано разевает рот, чтобы Безбородый скормил ему пару таблеток, и запивает их водой. Мне он отвечает медленно и по слогам, как будто объясняя ребенку:

– Это было в кино.

Священник недооценивает меня, если думает, что я цитирую кинофильм, а не Шарля Бодлера, но одно то, что старик видел «Подозрительных лиц», производит впечатление. Я воображаю, как он валяется на диване в одном белье, откладывает коробку от DVD, и от этого он кажется мне более человечным, чем раньше. С трудом сдерживаюсь, чтобы не поинтересоваться,

какие еще культовые фильмы девяностых он видел. «Бешеных псов»? «Славных парней»? («В каком смысле мой экзорцизм смешной? Я тебя развлекаю, я тебя рассмешил?»)

– Мария! Мария! – Голос Мадделены стал тише и не отзывается эхом – видимо, кто-то вышел на улицу. – Dove sei, la mia bambina?

Я киваю на витраж, который так привлек Марию во время экзорцизма. Собранные вместе, куски цветного стекла изображают Иисуса Христа, смурно восседающего среди камней.

– Что это значит? – спрашиваю.

– Хватит, хватит, – приговаривает Бородач и жестикулирует: «Хватит». – Подвиньтесь.

Ди Стефано безрадостно глядит на витраж.

– Это Христос во время сорокадневного поста в пустыне, – отвечает он и вздыхает с облегчением, услышав приближающийся вой сирены «Скорой помощи».

Если вы думаете, что прибытие врачей положило конец этому безобразию, то как бы не так. Нам предстоит еще один вираж – специально ради меня.

Мать и дочь воссоединяются. Видимо, Мария просто вышла подышать свежим воздухом. Оказав Ди Стефано явно необходимую ему первую помощь, врачи осматривают девочку и собирают с пола образцы подозрительно ржавой крови.

Короче, все, кроме нас с переводчиком Тони, направляются в больницу. Мне пора на обратный самолет до Лондона, и в услугах Тони больше нет необходимости. Увы, веселье подходит к концу. А то я мог бы получить извращенное удовольствие от поездки в переполненной «Скорой» в компании католического священника, плюющего гвоздями ребенка и двух увальней. Отличный вышел бы сюжет для свежего эпизода «Я и Сатана».

Ди Стефано укладывают на носилки, а я вынимаю телефон и брожу в поисках сигнала.

Пост о том, как я рассмеялся на сеансе экзорцизма, произвел фурор. Клянусь, я даже не предполагал, что в наши дни насмешка перед лицом дьявола вызовет такой резонанс. Разумеется, масса людей поддерживает меня, но как минимум столько же обремененных религиозностью пользователей возмущены моими «гонором», «непочтительностью» и «хамством». И с этими людьми мой кумир Ричард Докинз дискутирует на ежедневной основе. С типами, которые убеждены, что Земле всего шесть тысяч лет. Я как будто испытываю сейчас на своей шкуре, каково это, быть Ричардом Докинзом во Всемирной паутине. Я успел нюхнуть пороху, когда заявил о своем атеизме, но с таким шквалом праведного возмущения мне еще не доводилось сталкиваться.

«Экзорцизм может быть очень опасен, как для священника, так и для экзорцианта!!! Как вам не стыдно!!!» – пишет GodsAmy12 из Аризоны. «Экзорциант»? Шикарное слово! Так что, правда говорят?

«Посмотрим как ты посмеешко (орфография автора) когда будешь (орфография автора) гореть в аду!» – предупреждает пользовательница из Саффолка с легкомысленным ником TickleTumTina. Прости за репост, Тина! Надеюсь, мои 251, 043 подписчика не станут тебя сильно обижать...

«Какое самолюбие, – пишет TheRossotron из Флориды. – Мало того, что ржешь в такой момент, так еще и свистишь об этом. Зачем нам это знать? Это что, какое-то достижение?» Отмечу мимоходом, что TheRossotron сам на меня подписан. Силой его тут никто не держит.

Я уже давно усвоил, что спорить с интернетными массами – дело неблагоприятное. Даже если тебе удастся переубедить одного, на его месте вырастут еще десять с теми же претензиями и такими же кретинскими доводами. С таким количеством подписчиков, как у меня, держать эту стихию в узде становится просто невозможно. С тем же успехом можно попробовать осушить море кофейной чашкой. Я решил, что рациональнее всего будет обращаться ко всем коллективно, чтобы не тратить лишнего времени и сил. Еще одно мое правило: число моих подписок не должно превышать пятнадцати человек.

Ни для кого не секрет, что троллей кормить нельзя, но в этом конкретном случае поток негатива выводит меня из себя. Я гляжу, как Ди Стефано ворчит на врачей, которые пытаются устроить его поудобнее, и вижу перед собой недалекого старика, которому выпало слишком много власти над «маленьким человеком». Я вижу человека, который, как и подавляющее большинство адептов «сверхъестественного», обманывает окружающих.

Я публикую новое обращение: «Люди, о чем вы?! Да если бы дьявол, привидения и прочая нечисть существовали, не думаете ли вы, что ими сейчас был бы усыпан весь YouTube? Где же ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?» – и возвращаюсь к «Скорой», чтобы выудить напоследок пару цитат от экзорциста и, прости господи, экзорцианта.

Отца Ди Стефано погрузили в машину, ему не терпится тронуться в путь, и нечего мне больше сказать. Когда я прошу его резюмировать сегодняшние результаты, он только отмахивается, как будто отгоняет воображаемую муху.

Мадделена не находит слов и только без конца повторяет:

– Я не ожидала, что все так обернется.

Врач бинтует Марии палец, и девочка куксится.

– Я не помню ничего, – говорит она с явным отчаянием. – Все точно как тогда, когда мама рассказывала мне, что я вытворяла ночами. Впервые со мной такое при свете дня.

Лицо Мадделены мрачнеет. Кажется, ей только что пришло в голову, что вмешательство Ди Стефано не помогло, а усугубило состояние ее дочери.

Но я ничего не могу с собой поделать – я переживаю за девочку. К черту журналистскую беспристрастность. Я прошу – нет, настаиваю, – чтобы Мадделена обратилась за настоящей медицинской помощью. Надеюсь, на этот раз мои слова будут услышаны. Я желаю им всего доброго и направляюсь к арендованной «Альфа-Ромео», звеня ключами в руках.

– Эй, ты! – кричит Мария по-английски. – Эй, Джек Спаркс!

Только вот ее голос доносится не из «Скорой», а совсем с другой стороны. Голос доносится из уст переводчика Тони, который направлялся к своей собственной машине. Как бессознательная марионетка на веревочках, лишенная центра тяжести, он совершает поворот вокруг своей оси и застывает лицом ко мне.

Его рот открывается и закрывается, в то время как изнутри доносится голос Марии.

– Счастливого пути, – говорит он. Или Мария. Рот – его, голос – ее. Тони удивлен не меньше моего, что вдруг начал сыпать словами тринадцатилетней девочки. Тут его челюсть снова опускается, и голос Марии произносит: – Я вернусь через несколько часов, не скучай.

...Что бы это ни значило.

А в карете «Скорой помощи» к Марии возвращается дар речи, и она по-девчачьи хихикает. Она улыбается той самой всеведущей улыбкой, как в церкви, когда она выглядывала в окно. Ее глаза вновь окрашены болезненно-желтым.

Мадделена поникает лицом, словно последний луч надежды потух у нее на глазах. Отец Ди Стефано, не вставая с носилок, начинает молиться вслух.

Я несколько сбит с толку и не уверен, как реагировать на происходящее. Мы так привыкли к возможности перематывать и просматривать что-то заново и заново, что моя рука непроизвольно тянется к несуществующей в реальной жизни кнопке перемотки.

А ведь я считал Тони третьей стороной, не причастной к клоунаде. Но как же тогда он говорил голосом Марии и откуда ей известно мое имя? Ди Стефано не называл его вслух. Объясняя Марии и Мадделене, что я здесь делаю, он представил меня просто журналистом из Англии.

Решение приходит, когда я вспоминаю, что Тони мне порекомендовал секретарь самого Ди Стефано. Шоутруманское ощущение возвращается. Так вот откуда Мария знает мое имя. Все-таки они с мамашей на зарплате у Ватикана. Весь сегодняшний день и вправду хитро спланированная постановка. О чем я только думал? Со всеми богатствами католической церкви гиперреалистичный гвоздь в ногу – это более чем выполнимо тонкий ход. Заставить взрослого дядьку

говорить голосом ребенка? Раз плюнуть.

Эта схема в точности олицетворяет организованную религию: сфабриковать данные и использовать их против людишек, чтобы те чувствовали себя ничтожными, защищенными и благодарными.

Я награждаю всех участников пьесы медленными и язвительными аплодисментами и сажусь в машину.

И что бы там ни творилось дальше, я уезжаю, не оглядываясь.

За время долгой, монотонной поездки по здешней глуши я провожу мысленную ревизию УЖАСТИКА Спаркса. По итогам дня список обходится без новых приписок с дополнительными объяснениями. В ходе экзорцизма был момент, когда я полагал, что это Ди Стефано «обманывает других» (объяснение № 1), тогда как Мария и Мадделена были «обмануты другими» (объяснение № 2). Но под конец стало очевидно, что сегодня все уложилось в рамки первого объяснения. Все, чтоб им пусто было, ввали напропалую. Играли роли.

Звонит телефон. Звонок с незнакомого номера, но привычная надпись «Неизвестный номер» не появляется – на пустом экране высвечиваются только кнопки для ответа и сброса.

Я отвечаю, и из динамика вырывается резкий электронный визг, какой-то искаженный цифровой белый шум. Что-то такое мог бы использовать Афекс Твин в своих записях (Элеанор: Если ты хочешь, чтобы я обновил отсылку и вписал сюда более актуального исполнителя, то извини, но звучало точь-в-точь как Афекс Твин. Я не виноват, что ты слишком молода и не знаешь, кто это такой). Жутко громко. Оглушительно. Я даже не знал, что мой телефон способен издавать такие децибелы.

От неожиданности я непроизвольно закрываю уши обеими руками. Что совсем некстати, так как мне нужно вписаться в крутой поворот.

Машина мчится посередине глинистой дороги. Если кто-то выскочит на меня из-за поворота, то мы крепко столкнемся лбами и в живых никого не останется.

Дать сцепление. Нажать на тормоз. Повернуть руль. Отключить звонок вмонтированной в руль кнопкой. Помолиться.

Меня мутит от адреналина и в ушах звенит, но я веду машину дальше, преодолеваю поворот и потихоньку выруливаю на безопасный участок.

Звук был поистине адским. Из него вышел бы прекрасный (ну, или наоборот, ужасный) саундтрек к «Крику» Мунка. Позже, на один короткий миг, я задумываюсь, может ли этот звонок быть связан с Марией Корви и сущностью внутри ее. Что, конечно, чепуха. Полный бред. Но я невольно начинаю размышлять о сверхъестественном и о том, как соблазнительно выглядит этот мир. Ниточки так легко завязываются в узелки. Стоит начать видеть их вокруг, и ими так легко прельститься. Увязнуть в этом болоте. Одна ниточка вытянет за собой миллион других, широчайшую социальную сеть разных верований. Оглянуться не успеешь, как потащишь своего ребенка к папскому прихвостню в раздолбанную церквушку на краю света.

Когда я подпираю барную стойку омерзительно безликого бара в римском аэропорту, мир за окном уже усыпан разноцветным бисером огней. В ушах у меня звенит, а в телефоне ждет море сюрпризов. Оказывается, написанное мной «где же ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» толпы людей приняли за серьезную просьбу предоставить мне ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. Точнее, то, что лично у них сходит за ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. Так что мои оповещения пестрят ссылками, услужливо рекомендуя видеоролики с нечистой силой.

«Вот, Джеки, зацени! [ссылка]»

«Да что ты говоришь? Полюбуйся сначала на ЭТО [ссылка]».

«Хня, глянь сюда [ссылка]».

Меня захлестывает с головой.

А потом я решаю, что посмотрю эти ролики. Все до единого.

Если столько человек верит, что ролики в Интернете могут предоставить доказательства жизни после смерти, то я, так и быть, могу пойти им на уступку и взглянуть на них.

Я пишу: «Хорошо, хорошо, всем спасибо за ссылки, уговорили. Посмотрю я ваши ДОКАЗАТЕЛЬСТВА и дам вам знать. Уже руки ЧЕШУТСЯ».

Я подключаю наушники к смартфону. За хороший вай-фай бару вполне можно простить отсутствие индивидуальности. Марафон видеороликов поможет заодно скоротать два с половиной часа до моего задерживающегося рейса, и поддержит их в этом марафон виски-кол.

Мне все-таки дорог мой мозг, так что откровенный мусор я отмечаю. Всякие хихиканья из-за камеры, пока оператор снимает своего приятеля, который набросил простыню на голову и приговаривает: «У-у-у!» Подобные ролики распознаются издали по заголовкам в духе: «Что обитает в моем гараже? ЛОЛ!» или «В жопе Дэнни живут привидения – послушайте, что они хотят вам сказать!»

Кажется, те, кто присылал мне подобные ссылки, не были настроены на серьезный разговор. Эти клипы я пропускаю (ну хорошо, сознаюсь, мне стало любопытно, что имеет сказать жопа Дэнни – и поверьте, не думал я, что когда-нибудь такое напишу), и список сокращается вдвое.

Те ролики, которые я все-таки смотрю, погружают меня в бескрайний мир унылых потуг вызвать у зрителя страх. Мир, где одного восклицательного знака всегда мало и никто не знает правил употребления апострофа. Мир, который задолжал композитору заглавной темы «Секретных материалов» миллионы долларов в роялти.

С горем пополам я отмучиваю слайдшоу с фотографиями и закадровым текстом. Ни то, ни другое особенно не впечатляет. Фотографии, между прочим, подделывались с самого момента их внедрения в нашу жизнь в начале девятнадцатого века. Комбинированная съемка, может, еще и в силах насторожить самых доверчивых, но с большой натяжкой. Фотошоп и аналогичные фоторедакторы вооружили любителей инструментами для более продвинутой подделки, но и разоблачать их стало проще. Одно видео, опубликованное пользователем под ником WooWooWoo и нахально

озаглавленное «Самые жуткие фотографии 2014 года – НЕ СМОТРЕТЬ в одиночестве!», заставляет меня пожалеть, что я сижу в окружении бизнесменов, усталых туристов и местных барменов. На экране под «тревожный» бой ударных появляется уже третья фотография из семейного архива, где кружком обведен «загадочный фантом», выглядывающий из-за юбок тетушки Мод, и мне до смерти скучно. Более миллиона человек купились на громкое название. Неплохо накапало автору с просмотров рекламы.

«Спасибо за просмотр. Оставляйте комментарии и подписывайтесь?».

Я прочесываю ссылки, среди которых – представьте! – попадаются и настоящие видеозаписи. Чаще всего ноги там явно растут из успеха кинофраншизы «Паранормальное явление» в стиле «найденной пленки». На это справедливо намекает и слово «паранормальный» в заголовках. Сняты они чаще всего в Америке, дома, и изображают человека, который записывает видео на случайную тему или просто дурачится на камеру, как вдруг на заднем плане громко захлопывается дверь. И если «Паранормальному явлению» удалось убедить зрителя, что герои в кадре могли быть реальными людьми, а не актерами, то актерское мастерство и навыки импровизации у здешних героев оставляют желать лучшего.

«Спасибо за просмотр. Оставляйте комментарии и подписывайтесь?».

Чудом я выдерживаю и видеоролики, которые пробивают дно дурновкусия, эксплуатируя смерть звезд. Вот, например, покидает место собственной автокатастрофы призрак кинозвезды, известной по фильмам про автогонки (Элеанор: Вот видишь, я сам себе цензор. Я же не назвал никого по имени. Главное, чтобы вы с юристами не напали на меня из-за поклепа, или как вы там это назовете). Но тупейшее, что мне попадает в этом жанре, – видео от HiggsBassoon4, где якобы запечатлен призрак принцессы Дианы, посетивший его свадьбу. Нам показывают несколько зацикленных секунд, в течение которых счастливая пара режет торт, с каждым повтором все более и более крупным планом. Мы щуримся изо всех сил в тщетной попытке разглядеть в окне позади них что-то, чего там очевидно нет.

«Спасибо за просмотр. Оставляйте комментарии и подписывайтесь?».

Меня сердят ролики, где тебе велят не сводить глаз со статичного изображения комнаты или коридора, снятых как будто с камеры слежения. Полминуты спустя тебя попытаются напугать внезапно вмонтированным крупным планом страшной рожи с подложенным криком. Лучшие образчики жанра заставляют тебя вздрогнуть даже тогда, когда ты готов к их появлению, но, понятное дело, в качестве доказательств существования сверхъестественного они не канают.

«Спасибо за просмотр. Оставляйте комментарии и подписывайтесь?».

Если вас начнут заманивать обещаниями, что, мол, в этом ролике вы увидите «супербелое» привидение на школьной рождественской постановке, даже не думайте. Проиграв видео от пользователя ScalpLaughs65 несколько раз и так и не увидев ничего похожего на привидение, я понимаю, что это была шутка, высмеивающая чрезмерно бледного мальчишку.

«Спасибо за просмотр. Оставляйте комментарии и подписывайтесь ? ? ? ? ? Не забудьте вправить мозги на выходе ? ? ? ? ? ЛОЛ КЕК ЧЕБУРЕК».

?????

Чем глубже я погружаюсь в это болото, тем больше я пью и тем больше брюзжу на отсутствие оригинальности. Вот честное слово, даже я бы лучше сделал. Ничто не вызывает во мне ни намека на тревогу или страха, а об убедительности я вообще молчу. Мои джинсы остаются незапятнанными. Мои поджилки – несотрясенными. Мурашки не подают признаков жизни.

Собственно, о чем я и говорил с самого начала: если бы видео с настоящим привидением вдруг появилось в Интернете, мы бы уже давно о нем прознали. Его крутили бы по всем каналам, и оно облетело бы планету быстрее, чем секс-видео Барака Обамы.

Говоря терминологией УЖАСТИКА Спаркса, все, кто снимает видеоролики про фальшивых привидений, либо пытаются кого-то обмануть, либо их самих обманывают. Третьего варианта не дано.

Убедившись, что обитатели соцсетей вновь потратили мое время зря, я вступаю в неравную схватку с автокорректом, из которого так себе помощник, когда ты в стельку пьян.

«О'кей, ребята! Посмотрел я ваши «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» с привидениями. И все эти видео – все до единого – дурацкие фейки[4 - Фальшивки. – Прим. ред.]. ХВАТИТ».

Я доволен собой. Уж это должно положить конец дискуссии. Можно больше не думать о видеострашилках. А потом я проверяю обновления. Стратегическая ошибка.

Все время, пока я был занят просмотром последней тридцатки видеороликов, мне строчили сообщения типа «А это твоих рук дело, что ли?» и «Вот это, кстати, довольно-таки жутко» и вариациями на тему. Многие сделали репосты с подписями вроде «Жуткий видос от Джека Спаркса!». У всех этих записей есть кое-что общее. Все они разлетаются со скоростью света, и все содержат одну и ту же ссылку на YouTube.

Это меня крайне напрягает.

Я щелкаю на одну из идентичных ссылок и с удивлением обнаруживаю, что она ведет на мой собственный YouTube-канал. Тут я время от времени публикую видеообращения к поклонникам на любую тему, которая будет занимать меня в тот или иной момент. Обычно я говорю о науке, технологиях, музыке или о своих книгах. С тех пор как я попал в лечебницу, я забросил канал, и прошло целых три месяца с момента последнего обновления.

Во всяком случае, с тех пор, как я делал там последнее обновление.

Теперь на моей странице красуется сорокасекундное видео, которого я не публиковал.

У него нет названия, нет описания, из подробностей – только время и дата публикации. Сегодня, примерно полчаса назад. Все выглядит так, как будто я сам запостил видео, хотя очевидно, что это не так.

Я уставился на страницу. На это видео, которое ждет, пока его посмотрят. Я хмурюсь, возвращаюсь на предыдущую страницу, и открываю ссылку заново. Наверняка присутствие совершенно постороннего видео на моем канале – мимолетный глюк сайта, который исправится сам по себе.

Но нет, я же знаю, что видео успели посмотреть остальные.

Ну да. Видео тут как тут.

Все его сорок секунд.

Мой палец зависает над кнопкой воспроизведения. Внутри меня что-то сжимается, преимущественно потому, что я боюсь, как бы посторонний человек не выложил на мою страницу чего-то грязного и инкриминирующего.

После нескольких оглушительных ударов сердца я нажимаю кнопку.

Алистер Спаркс: «Далее приводятся записи, сделанные шариковой ручкой на салфетке, найденной 21 ноября 2014 года в отделении чемодана в номере отеля «Сансет-Касл» в Лос-Анджелесе, оформленном на имя Джека Спаркса. Установлено, что салфетка была взята из бара в аэропорту Рима, который посещал, по его словам, Джек».

Насчет вид.:

Черные ноги/стопы.

Пропадает, появляется – странно.

Темно. Подвал?

Фигура на земле. Человек?

Медленно поворачивается [далее на салфетке неразборчиво].

За углом – блин!

Три слова – то, что я думаю?

Глава 3

Ослепительно-белые лучи полыхают у Бекс на щеках, отчего кажется, что она светится изнутри. За ее спиной миллионы пылинок кружат в замедленной анимации, выхваченные широкими лучами солнца, заливающего паб «Виктория».

Она моргает, натягивает солнечные очки и говорит:

– Значит, это не детское порно.

Как всегда, произносит она это слишком громко. Ей уже отказано во входе во всех библиотеках Ист-Эссекса.

– Ведь если бы на видео было детское порно, – продолжает она после моего «цыц», – я бы уже об этом знала. А местные прогнали бы тебя с пирса.

С потолка свисает всякая крупнокалиберная всячина. Туба, коляска, модель самолета, безрукий портновский манекен. Я знаю, что, когда закончу свой рассказ, мы с Бекс сыграем в нашу любимую игру и будем выбирать, какой из этих предметов должен сорваться с потолка и зашибить нас. Крутая игра, правда?

Ну, дело хозяйское.

Бекс сегодня особенно заведена, как мультяшный Тигра на амфетаминах, и мы спорим больше обычного. Полпинты мы спорим о том, набирал ли я вчера из Италии ее номер «в кармане» или нет. Она настаивает даже после того, как я открываю историю исходящих звонков и демонстрирую ей в доказательство. Не могу понять, эти противоестественно дерганные ссоры говорят о братско-сестринских отношениях или о латентном сексуальном напряжении?

– Так что же было в том видео? – спрашивает наконец она, терзаясь между жадным любопытством и желанием посмаковать момент. – А вообще-то нет, не

отвечай, просто покажи мне.

Она кивает на мой телефон. Я вздыхаю:

- Если бы я только мог.

- Ты снова уронил трубку в унитаз, что ли?

- Нет. Просто...

- Ну что, что, что?

И я рассказываю ей то, что сейчас поведаю и вам.

Ну так вот. Я сижу в том самом баре в аэропорту. Я весь красный – и от негодования, и от алкоголя. Просто я перебрал виски с колой, а какой-то хрен взломал мою страницу.

Я пересматриваю ролик два, три, четыре раза. Вдогонку я кидаю такой пост: «Если кто-то знает, кто разместил это видео на МОЕМ канале, сгораю от нетерпения вас услышать. Потому что это точно был не я (и это не розыгрыш): [ссылка]».

Мне сложно воспринимать чертовщину, которая творится в кадре. Во-первых, видео снято чуть ли не в полной темноте, а во-вторых, у меня двоится в глазах, и фокусироваться получается с большим трудом. Я заказываю четверной эспрессо и проверяю обновления, где нахожу тонну «Что за ***?», «:-О», «О_о», «ОМГ какая жуть» и разного рода вариации на тему «Э-э-э, и что, это типа должно быть страшно?», куда же без них.

При том, что сам я принадлежу ко второму лагерю, видеоролику удастся меня заинтриговать.

Передо мной на стол плюхается чашка кофе. Его горечь растекается по языку, обволакивая вкусовые рецепторы. Я заглатываю напиток одним глотком и заново нажимаю «Пуск», мимоходом замечая, что в глаза уже не нужно

вставлять спички. На этот раз я хочу максимально сосредоточиться на просмотре. Потому что есть в этом видео что-то такое... Совсем не похожее на остальные.

Что-то такое.

Но передо мной вдруг выскакивает уведомление: «Видео недоступно. Материалы удалены пользователем».

И тут я мысленно восклицаю: «Ничего подобного! Катитесь к черту, это я – пользователь!» – про себя, внутренним голосом. Правда, оказывается, что кричу я это на самом деле вслух и тычу пальцем в монитор телефона. Посетители вздрагивают. В меня начинают метать свирепые взгляды, но так как сегодня я уже успел столкнуться лицом к лицу с гневом отца Примо Ди Стефано, это задевает меня не больше лепестков роз, щекочущих кожу. Им еще учиться и учиться. Но я все-таки извиняюсь перед посетителями, чтобы выиграть себе немного времени. Мне нельзя уходить. Мне нужно остаться и поменять пароль на YouTube. Остаться и жать на кнопку обновления, пока это дурацкое сообщение не исчезнет и видео не появится снова. Куда оно вообще делось? Зачем этот «пользователь» удалил его практически сразу после публикации? Тысячи подписчиков задают мне тот же самый вопрос. Они гадают, что я тут устроил, а я пытаюсь втолковать им, что я ничего такого не устраивал.

Лысый бармен в очках наклоняется ко мне и требует успокоиться и вести себя тихо. Я говорю ему, чтобы он сам успокоился и вел себя тихо, что ничуть его не успокаивает. Тогда я посылаю его куда подальше, полагая, что такая психологическая атака должна сработать.

Я строчу: «Нет, я ПРАВДА не снимал и не размещал это видео. И удалил его тоже не...»

Я не успеваю даже дописать предложения, как лысый вместе с коллегой хватают меня под белые ручки и стаскивают со стула. Случайно я нажимаю на «Отправить», и теперь все будут считать меня человеком, который может запросто оборвать предложение на полуслове и даже точку в конце не поставить.

В тот момент, как эти скоты вышвыривают меня за порог, недовольный голос в громкоговорителе зовет меня по имени. Оказывается, я единственный пассажир, которого дожидается рейс 106. Я бегу к своему терминалу, и мир вокруг сливается в мутное пятно. Коридоры, путанные указатели, конвейеры, которые, увы, не перевозят подвыпивших пассажиров... и люди, несметные толпы людей. Стада зомби, бредущие со всех сторон.

Это слепит, мутит, и у меня начинает кружиться голова. Все вокруг зеленеет. Я останавливаюсь на месте, закрываю глаза и прихожу в себя.

Когда я возвращаюсь в реальный мир, первое, что я вижу перед собой – ясно, как божий день, – отец Примо Ди Стефано. Много отцов Ди Стефано.

Даже в состоянии сильного опьянения мне хватает ума сообразить, что его лицо красуется на обложках одной книги, экземпляры которой расставлены в витрине книжного. «Жертвы сатаны». Не припоминаю такого названия. Видимо, совсем свежая. Не раздумывая долго о том, что три его книги я уже успел приобрести для ознакомления и мне вряд ли нужен очередной том с собранием пережеванных догматов и анекдотов, я хватаю книгу из англоязычной секции и тащу ее на кассу. Громкоговоритель с треском возвращается к жизни и просит Джека Спаркса немедленно пройти к терминалу.

О да, детка, такая вот я рок-звезда. Кому же не понравится, когда его имя объявляют по громкоговорителю? И неважно, по какому поводу. Это как упоминание от блогера-тысячника. Прямо сейчас, в эту секунду, все до единого в аэропорту знают мое имя. От этой головокружительной мысли у меня перед глазами все почему-то наливается красным, и я чуть не складываюсь пополам.

Я шагаю по салону самолета, мыслями витая в облаках, все думаю об этом чертовом видео, о его исчезновении, и меня мало беспокоят осуждающие взгляды в мой адрес. Я пристегиваюсь к креслу у окна, очаровываю милую ирландскую стюардессу, и та приносит мне огромную порцию джина с тоником. С наступлением полуночи мы выезжаем на взлетную полосу. Я устраиваюсь поудобнее и пытаюсь разобраться в своих мыслях.

Видеоролик оставил после себя странное ощущение, как будто его никто и никогда не должен был увидеть. Обычные ролики только и делают, что заманивают зрителя: «Эй! А ну-ка посмотри сюда!» А тут – никаких назойливых

подписей с мольбами «добавляться в друзья» или «заценить другие видео». Вообще никакого описания, ни даже тебе названия. Уже одно это не давало мне покоя. Мне подкинули это видео. Цифровой аналог видеокассеты без коробки, оставленной на твоём пороге.

Цель любого ролика на YouTube – привлечь внимание. Набрать просмотры, подписки, рекламу. Монетизировать контент – сейчас все упирается в это и одно только это. И ясное дело, когда провокационное видео появляется на этом сайте, а затем исчезает, набрав всего несколько сотен просмотров, я хочу понять почему. Сам-то я не сомневаюсь, что его авторы «обманывают других» (пункт № 1 УЖАСТИКА Спаркса), но самоцель, замысел, стоящий за этим роликом, не укладывается в общую схему. Почему-то именно меня выбрали для этого видео, и с моей стороны было бы неспортивно не отреагировать и не подыграть.

Ладно. Значит, поиграем. На старт, внимание, марш.

И вот многотонное туловище самолета грациозно взлетает в ночное небо, а я думаю только о том, как бы поскорее увидеть ролик снова. Вместе с идеей фикс во мне укрепляется и решение во что бы то ни стало дописать эту книгу, хотя изначально я относился к выбранной теме как к простому капризу.

Устроившись в кресле 40А, я вытягиваю ноги и даю себе слово разыскать тех, кто стоит за видеозаписью. Потому что, если я смогу доказать, что самое убедительное паранормальное видео в истории (так себе, конечно, комплимент) – фальшивка, значит, и все остальные по умолчанию – фальшивки.

Из круглого окошка я поглядываю на пушистые облака, на огоньки, умиротворяюще бликующие на крыле, и на щедрые мазки хэллоуинской Италии тысячу милями ниже. Сплоченные силы кофе и алкоголя помогают мне почувствовать себя невероятно живым. Там, среди итальянских холмов, я замечаю огонек полыхающего пожара. Похоже, кто-то перестарался с барбекю.

Я приободряюсь, когда вспоминаю, что время полета мне скрасят «Жертвы сатаны». Я вынимаю книгу из сумки, вздыхаю, открываю первую страницу и не прекращаю веселиться до самого дома.

Жирная чайка с демоническими глазами срывается в полет, напугав парочку туристов у палатки с предсказаниями. Бекс глазееет на эту картину из окна паба со здоровым, довольным румянцем на щеках, так характерным для любого, кто выпил уже три пинты.

- Так узнал ты в итоге, кто снял видео, или нет? - любопытствует она.

- Я в процессе, - отвечаю. - В процессе предварительного расследования. Не хочу выставить себя на посмешище раньше времени.

- Кошмар, - усмехается она, машинально прикрывая рот. - Что тогда будет. Представить страшно, - вдоволь посмеявшись собственному остроумию, она переспрашивает с искренним любопытством: - А что ты имеешь в виду?

- А вдруг этот ролик окажется частью чьей-то вирусной рекламной кампании? Фиг знает, возможно ли это технически, да и легально ли, но у меня проскочила мысль, что такой ролик могли подкинуть на каналы к разным журналистам, а затем удалить их для повышения интереса. Освежить интригу, как говорится.

Бекс обдумывает мои слова.

- Допустим... Но реклама чего? Эктоплазмы? И в конце концов ты расскажешь мне, что там было в твоём видео, или нет?

- Что такое эктоплазма?

- Ты не знаешь, что такое эктоплазма, и еще пишешь книгу про сверхъестественное...

- Я предпочитаю обучаться новому по мере продвижения.

- Ах, сэръ предпочитает обучаться новому по мере продвижения, - передразнивает она с нелепой помпезностью и закатывает глаза.

- Ну уж нет, - возражаю я, дружелюбно тыкая ее пальцем в плечо. - Я так не разговариваю! Я же не принц Чарльз. По сравнению со мной ты вообще аристократка... Короче, я поспрашивал журналистов, которые еще не зареклись

со мной разговаривать, и потом уже они поспрашивали тех, кто зарекся. Никто такого видео не получал. В Интернете о нем тоже как будто не слышали. Кроме моих подписчиков, разумеется, которые успели его посмотреть тем вечером.

От выпивки Бекс все больше распаляется и воодушевляется, как будто это видео – единственное, что имеет значение в этом мире. Она пересаживается ближе ко мне и хватает меня за грудки. Она сжимает ткань футболки в кулаках, так что воротник пережимает мне кадык. Сначала мне кажется, что это ее месть за тыканье пальцем в плечо. Может, я переусердствовал?

– Что. Было. В. Чертовом. Видео? – спрашивает она.

Ее пухлые губы в такой опасной и соблазнительной близости от моих. Что сказал бы на это ее парень, зайти он сюда в эту минуту?

Ну же, Лоуренс, заклинаю тебя: зайти сюда, сию минуту. А потом убеги и, рыдая, кинься в море и раскрой себе темечко по пути вниз.

– Тебе никогда не предлагали пройти курсы по управлению гневом? – спрашиваю я писклявым голосом Дональда Дака. Бекс в ответ только стискивает мою футболку крепче. Я уступаю и поднимаю руки вверх. Тогда она улыбается и отпускает меня.

– Короче, я успел посмотреть видео всего несколько раз и был в то время страшно пьян. Вспоминается смутно, как сон. Короче, снято в каком-то подвале или полуподвальном помещении... Там кто-то стоит в углу. Только ноги и...

– Что, совсем без туловища?!

– Да нет же... Знаешь что, и я говорю это не затем, чтобы тебя позлить, просто звучит тупо, когда я так объясняю. Я писатель, я не рассказчик.

Бекс принимает грозное выражение лица.

– Ты должен найти это видео.

– Да я же, блин, пытаюсь!

- Да уж, - отвечает она, - пытаешься.

Когда мы опускаем свои тушки на гигантский и толстый желтый диван, за окном темно, хотя на часах всего половина седьмого. Провалился бы этот ноябрь к черту. Знаете, как это бывает, когда не можешь остановиться после вечерней пьянки и продолжаешь пить по инерции? Так в моих руках оказывается бутылка вина, которую силюсь открыть, пока Бекс забивает косячок. Как бы мне ни хотелось оправдать курение травки попыткой приобщиться к миру духов, буду все же придерживаться алкоголя.

Мы включаем телевизор и выбираем пятый канал, где во весь широченный экран показывают младенцев, больных не то сифилисом, не то еще чем. С балкона за нашими спинами открывается панорамный вид: Брайтонский пирс, чертово колесо и полная луна, льющая свет на простершееся темное море, как на обложке альбома «Floodland» Sisters of Mercy. Квартирка у нас что надо - ради этой жилплощади я и переехал из Лондона в Брайтон пять лет назад. Как помнят мои верные читатели, тогда я записался в тренажерный зал, где и познакомился с Бекс, которой срочно требовалось место для ночлега. Мне так захотелось, чтобы она въехала ко мне, что я пожертвовал ради этого своим кабинетом и поспешно переоборудовал его обратно в спальню.

Пригласи к себе на ПМЖ красивую девушку, которую ты только что встретил, и это обязательно выльется в полноценные отношения. Да уж, Спаркс, твоя мужская логика вызывает восхищение.

- Почему мы не взяли вино с закруткой? - ворчу я и тяну пробку, напрягая жилы. - Всегда надо брать вино с закруткой.

- Болван ты, - говорит Бекс, отбирая у меня бутылку. Я наблюдаю за тем, как она откупоривает вино, и мне вдруг приходит в голову, что она единственный человек в мире, кому я позволяю так с собой разговаривать.

На исходе второй бутылки картинка перед глазами плывет вовсю, а атмосфера в комнате могла бы посоперничать с амстердамским кофешопом. Разрозненные воспоминания с того вечера вспыхивают перед глазами как лампочки: кадры с пугающе гигантскими детьми; я рассказываю Бекс о своих наполеоновских

планах на книгу; комната приятно кружится перед глазами, неторопливо, вальяжно и умиротворенно.

И только один эпизод я помню со всей отчетливостью. Каждую секунду, каждый свой вздох, каждую клеточку тела.

Я самодовольно рассказываю Бекс, как расшифровывается УЖАСТИК Спаркса, когда она набрасывается на меня и, рыча, прижимает к дивану. Эта тигрица седлает меня, дышит в лицо, крепко стискивает мои запястья, разметав во все стороны непослушные рыжие кудри. Что за удивительный поворот событий.

- Хватит триндеть о себе, - напортисто проговаривает она. - Я весь день хочу сказать тебе жутко важную вещь, но ты мне и слова вставить не даешь. Вечно перебиваешь и говоришь только о себе и своей работе, то есть опять о себе. Ты вообще отдаешь себе в этом отчет, засранец? Это так раздражает, когда твой сосед или говорит о себе или ждет, когда ему снова дадут поговорить о себе. Ты это понимаешь?

Я гляжу на нее, окончательно и бесповоротно влюбленный.

- Да, - выдавливаю я. - Извини, ты ведь сама спрашивала про Италию. Вот я...

Она отпускает одну мою руку, чтобы ладонью закрыть мне рот.

- Ну уж нет, Скуби-Ду. Говорить теперь буду я, а ты слушай молча.

Я киваю, думая о том, как приятно ощущать ее бедра в джинсах на своей талии. И ее гладкую кожу на своих губах. Я бы легко мог сейчас слизнуть соль с ее пальцев, но я ничего не делаю.

Бекс наклоняется ниже. Только ее ладонь разделяет наши губы. Тут она убирает руку и говорит:

- Так вот. Слушай внимательно.

О мой бог. Я вдруг вспоминаю приложение «Секрет», которое установлено у меня на телефоне. Эта штука позволяет читать анонимные признания от твоего

списка контактов. Недавно кто-то там написал: «Я хочу переспать с соседом, но мы слишком давно дружим».

Это была Бекс! Сейчас она скажет мне, что я ей нравлюсь. Потом она меня поцелует. А после секса мы будем лежать в постели или прямо тут, на диване, и она скажет, что порвет с Лоуренсом, потому что не может иначе.

Глаза Бекс горят, как огоньки. Ее дыхание пляшет на моем лице, вырываясь вместе со словами:

- Лоуренс предложил переехать к нему, и я согласилась.

Комната начинает очень неприятно вращаться.

Становится полегче, только когда, обмякнув под унитазом, я проверяю почту в телефоне. Помутневшими глазами я вижу, что кто-то прислал то самое видео прямо мне в руки.

Алистер Спаркс: «С прискорбием признаю, что, будучи несколько уязвлен тоном Джека в нашей переписке от 28 октября, я оставил без ответа ночное письмо, приведенное ниже».

Дата: 2 ноября 2014

От: Джек Спаркс

Тема: Что это было?!?

Кому: Алистер Спаркс

Я тут был в книжном магазине в аэропорту Рима и увидел тебя по телевизору. Ты стоял перед камерой на фоне Голливудских холмов. Ни фиги себе, думаю. Звук был выключен, так что я не слышал, о чем ты там распинался.

Это что вообще было?

А ведь я так и знал, что тебе не удастся отведать моей славы. Неужели угадал? Не скрою, приятель, не думал, что реально увижу тебя когда-нибудь по ящику. С твоим-то видом разве что на радио дорога.

Так вот, у тебя вроде был знакомый в Скотланд-Ярде, я не путаю? Который отслеживает видеоматериалы по жестокому обращению с детьми и все такое. Притворись обычным братом на минутку и скинь мне его контакты, будь добр.

Джек.

Алистер Спаркс: «Айла Дугган – тридцатидвухлетняя уроженка ирландского города Кинсейл, проживающая в Вест-Сассексе. Айла была стюардессой на борту рейса номер 106 Рим – Лондон, которым, по его словам, летел мой брат 31 октября 2014 года. Далее следует расшифровка нашего с ней интервью...»

АЛИСТЕР СПАРКС: Вы помните, какое конкретно место занял в тот день Джек Спаркс?

АЙЛА ДУГГАН: Да, место 40А. Кресло у окна.

АЛИСТЕР: Есть ли у вас поводы сомневаться в том, что это был именно Джек Спаркс?

АЙЛА: Теперь, когда я видела его фотографии в газетах и по телевизору, – ни малейших. Он точно так же говорил, с теми же манерами и интонацией. Не говоря уже о том, что ему дважды пришлось предъявлять паспорт, иначе его не пустили бы на борт. Но вел он себя действительно странно, то и дело вздрагивал. Не знаю, было это ему свойственно или нет.

АЛИСТЕР: Он опаздывал на рейс?

АЙЛА: Из-за него вылет задержали почти на двадцать минут. Пассажиры были недовольны, но такое сплошь и рядом происходит. Я лично против того, чтобы

проявлять снисходительность к опаздывающим. На экономрейсах такой практики нет. Джек появился с таким невозмутимым видом, как будто так и надо. Было видно невооруженным глазом, что он много выпил и хотел выпить еще перед взлетом. Я прибегла к профессиональной хитрости и принесла ему стакан со льдом и тоником, чуть-чуть обмазанный джином по кромке.

АЛИСТЕР: И что же пошло не так?

АЙЛА: Когда мы катились по взлетной полосе, я прошлась по салону – это стандартная проверка. Я заметила, что мистер Спаркс чем-то встревожен. Он весь побелел, как будто ему сообщили ужасные новости и он не может прийти в себя. Он был в состоянии шока.

АЛИСТЕР: Вы обратились к нему в этот момент?

АЙЛА: Я спросила, не чувствует ли он недомогания, и взяла его за плечо, но он отпрянул от меня. Не помню дословно, но он ответил в том смысле, что с ним все в порядке. Но по его виду этого нельзя было сказать. Он продолжил читать книгу с таким видом, как будто... как будто не мог поверить в то, что читает.

АЛИСТЕР: Книга показалась вам причиной его состояния?

АЙЛА: Я, наверное, подумала, что он просто читает какого-нибудь Стивена Кинга. Но настоящие проблемы начались, когда мы вот-вот готовы были взлетать. В этот момент пассажиры особенно напряжены, и мы меньше всего хотим, чтобы кто-то из них вдруг начал возмущать спокойствие. Тем более что мы сами, бортпроводники, пристегнуты на своих местах. Нам не разрешено вставать даже в том случае, если пассажиры начнут друг друга убивать. Сначала я услышала, как двое пассажиров говорят мистеру Спарксу, что ничего такого «не чувствуют», как будто успокаивали его. И как только сигнал пристегнуть ремни отключился, я пулей бросилась в его сторону. Я хотела успеть к нему до второго стюарда, потому что он нередко теряет самообладание, когда имеет дело с проблемными пассажирами.

У мистера Спаркса случился приступ паники, иначе не скажешь. Я дала ему пакет, чтобы он подышал, а он все твердил, дескать, что-то горит, он слышит запах, хотя никакого запаха не было и в помине. Вокруг нас была толпа пассажиров, одни обеспокоены, другие раздражены, и все ждут, когда же я

разберусь с проблемой. Я попыталась развеять сомнения мистера Спаркса, но он рассердился, заявил, что «я их покрываю», и назвал меня «проклятой обманщицей». Мы не обязаны мириться с таким обращением, но я не видела смысла распалать конфликт еще больше. В этот момент наш стюард решил приглушить огни в салоне – как мне кажется, исключительно потому, что сам был с похмелья. Мистер Спаркс испугался и задрал голову. Он начал кричать, и я поняла, что действовать нужно незамедлительно.

АЛИСТЕР: И как же вы разобрались с ситуацией?

АЙЛА: Был вариант дать ему успокоительное, которое мы всегда держим на борту, но это не так-то просто: нужно связываться с Америкой, чтобы получить разрешение. К тому же оно плохо сочетается с алкоголем. В крайнем случае можно было бы привязать мистера Спаркса к креслу, что также неприятно для всех окружающих. Если бы дело приняло дурной оборот, член экипажа мог бы остаться со сломанным носом, например. Я очень надеялась избежать этого. Пассажиры с мест 40В и 40С уже пересели, так что я села рядом с мистером Спарксом и стала говорить с ним спокойно и с улыбкой.

Я объяснила ему, что, если бы что-то горело, наши датчики среагировали бы на дым. Это, в общем-то, ложь, но ложь во спасение: датчики дыма есть в туалетах, и пилоты получают сигнал, если что-то произойдет с двигателем, но только и всего. Еще я сказала ему – и это чистая правда, – что на пути в Рим наш самолет попал в ледяной дождь и по прибытии его пришлось обработать «незамерзайкой». Когда самолет взлетает в воздух после такой процедуры, люди через кондиционеры могут чувствовать специфический запах. Он довольно непривычный, и люди не понимают, откуда он берется. После того как я все это объяснила, он сказал: «Дайте честное гребаное слово, что не врете». И я так и ответила, без агрессии, но дословно: «Даю честное гребаное слово». Я давно заметила, что, если использовать бранную лексику в ответ, пассажир теряется, потому что не ожидает такого, и утихает.

АЛИСТЕР: И после этого все улеглось?

АЙЛА: Да, он стал дышать в пакет. Но книга все еще пугала его, потому что он попросил меня «завернуть ее понадежнее», пока мы не сядем в Лондоне. Глупо, конечно, но чего не сделаешь ради спокойствия на борту. После того как мы разнесли ужин, я завернула книгу в фольгу с упаковок горячего. Мы сели в Гатвике, мистер Спаркс вышел из самолета и был таков – ни спасибо, ни

извините. Когда я впервые прочитала обо всех этих ужасах, я, знаете, не сразу сообразила, что к чему. Я была поражена. Он казался таким хорошим парнем. Нахальным, конечно, и не совсем в себе, но в целом хорошим, если вы меня понимаете.

АЛИСТЕР: Вы так и не узнали, чем книга так напугала его?

АЙЛА: Нет, но я запомнила название: «Жертвы сатаны», со священником на обложке. Жуткая тема, что и говорить. Сатана не может не испугать, согласитесь.

Глава 4

Бекс щурится опухшими от травки глазами и протягивает:

– Ого. Мы и в самом деле сейчас это посмотрим?

Стрелка часов давно перевалила за полночь. Мы сидим, уставившись на видеофайл. Он скопирован на рабочий стол моего компьютера и только и ждет двойного щелчка мышки. Я – за своим столом в футболке, заляпанной пятнами рвоты. Прощайте, последние намеки на сексуальное напряжение, которые еще могли бы пережить признание Бекс. Она примостилась на уголке моей кровати. Мне не очень-то хочется с ней разговаривать, но в то же время я не мог не поделиться с ней новостями о возвращении видео. Такой вот парадокс.

Видео нашло меня при помощи одного поклонника – Калвина из Кардиффа. Этот прожженный технарь захотел изучить видео внимательнее и успел вынуть его с сайта за то недолгое время, что оно там висело. Увидев мой онлайн-крик о помощи, он написал мне через сайт JackSparks.co.uk и прикрепил файл. Мировой мужик.

Бекс хмурится:

– Что с тобой, малыш? Я думала, ты больше обрадуешься этому видео.

– До сих пор не очень хорошо себя чувствую, – вру я, проглатывая злость на то, что она съезжается с полным оборотом вместо того, чтобы быть со мной.

Она кивает, скрещивает руки и поворачивается к монитору с нетерпеливым и требовательным выражением.

К тому времени, как ты, дорогой читатель, возьмешь в руки мою книгу, ты наверняка уже успеешь посмотреть это видео. В противном случае можешь найти его онлайн (Элеанор: Будь умницей, вставь сюда ссылочку)[5 - Когда истинная природа видеоролика вышла наружу, YouTube и прочие интернет-видеоплатформы запретили его к размещению и продолжают удалять все его новые появления. Ролик, однако, до сих пор распространяется на торрент-трекерах. – Прим. Алистер.]. Но поскольку чтение книг заключается несколько в другом и еще потому, что кто-то здесь может оказаться слабовидящим, я собираюсь пересказать его во всех подробностях.

Итак, наш призрачный поезд отправляется в путь...

Видео снято в цвете, но в кадре столько черного, серого и белого, что запись кажется монохромной. Если судить по качеству, съемка была сделана в цифровую эру, но сложно сказать наверняка. Эту загадку, в частности, мне предстоит решить в ходе своего расследования, дамы и господа.

В кадре темно. Сцена освещена ровно настолько, чтобы разобрать происходящее. Разобрать – да, но не разобраться.

Мы видим коридор в каком-то подвале, а может, в котельной, а может, в котельной, которая находится в подвале. На протяжении всего видео слышится тихий механический гул. Единственный источник света – голая лампочка на шнурке, которая попадает в кадр на седьмой секунде хронометража. Лампочка покрыта копотью, и свет от нее идет потускневший.

Холодно – это понятно по пару изо рта оператора. Для простоты будем обращаться к нему в мужском роде. Ни картинка, ни звук ничем не выдают пола оператора, но давайте начистоту: любой женщине хватит ума не спускаться с включенной камерой в промозглый, темный жуткий подвал.

Камера снимает на высоте всего пары футов от земли. Она продвигается вперед медленно, вздрагивая на каждом шагу. Кажется, будто оператор ползет вперед на коленях. В паре шагов слева – стена из покоцанных, потускневших от возраста кирпичей. Впритык справа – противоположная стена в паутине труб, каждая по паре дюймов в диаметре. Они окрашены разными базовыми цветами, но краска почти везде пооблупилась. Трубы подбираются и убегают от допотопных пропыленных коробов со стрелками и циферблатами.

Впереди коридор уступает залитому темнотой пространству. Там же стена с трубами сворачивает вбок, и пока оператор приближается к этому углу, он держится близ стены, но, словно опасаясь неизвестности, замедляет шаг перед неизбежным поворотом. Теперь мы не только видим, но и слышим его дыхание, тонкое и прерывистое. Он явно напуган.

Дальше – пауза. Ты буквально чувствуешь, как он собирается с духом. Ты буквально слышишь, как он дует в штаны от страха. (Элеанор: Думаю, позже я сам выберу один из этих вариантов. Какой выберет наша мадам Скромность – и так понятно...)

Потом он снова начинает ползти, приближаясь к повороту.

Но вы не переживайте: видео на этом не заканчивается. Это была бы чудовищная досада. Нет, впереди у нас еще добрых тридцать секунд.

Сохранивший, видимо, толику здравого смысла оператор не ныряет за угол резко. Нет, он высовывается миллиметр за миллиметром. Да и как знать, может, он вообще сперва высунул из-за угла одну только камеру: голова отдельно – объектив отдельно. Так бы поступил лично я, и неважно, что я не верю в привидений.

Камере не сразу удастся сфокусироваться на плохо освещенном и мутном предмете съемки. В конце концов картина перед нашими глазами вырисовывается. В этот момент ее видит и оператор. Он резко ахает, и камера у него в руках дрожит.

Следующие несколько секунд слышно только механический гул, который, судя по всему, раздается из генератора.

В центре сцены – два человека. Один распростерт на полу, второй – стоит.

Во всяком случае, мне кажется, что на полу – человек. Густая тень скрывает из виду его фигуру. Мы видим руку, ладонь, общие человекоподобные контуры тела – и все. Может, это вообще манекен или пугало. Но все-таки кажется, что это настоящий человек, распростершийся на животе и совершенно неподвижный, и в кадре видно только верхнюю часть его туловища.

А вот у второго человека, как я уже пытался объяснить Бекс, наоборот. Он стоит над телом первого, и камера позволяет увидеть только его ноги. Судя по их позиции, человек отвернут от камеры. Он бос. Его ноги в слабом освещении кажутся совсем черными и... как будто прозрачными. Их видно насквозь, в лучших традициях привидений. Ноги медленно скрываются из виду и появляются снова, как мерцающие огоньки на елке, которые никогда не гаснут до конца и никогда не обретают плотность. Очень неожиданный эффект, от которого сразу становится не по себе.

Оператор, похоже, того же мнения, потому что он шепчет:

– О боже... вот оно.

Кроме этих четырех слов, он больше ничего не говорит за все время. Его голос – это тишайший шепот, который можно расслышать, только если выкрутить громкость на всю катушку, поэтому вычислить его пол все-таки невозможно – я, по крайней мере, не смог.

Камера заныривает обратно за угол – оператор, наверное, испугался, что его услышали. Правая половина экрана загораживается вертикальным отвесом стены.

А там, дальше в подвале, ноги остаются неподвижны. Они продолжают упрямо и размеренно мигать, то стираясь, то возникая вновь.

Удостоверившись, что он все же не выдал своего присутствия, оператор возвращает камеру в прежнюю позицию, дальше от стены.

Улучив самый подходящий для этого момент, который по достоинству оценили бы даже такие мастера жанра, как Бела Лугоши и Кристофер Ли, фигура в помещении начинает медленно, страшно медленно поворачиваться.

Наш герой, кажется, не сразу догадывается, что ноги меняют положение, по дюймаку разворачиваясь в его сторону. Возможно, его глаза, в отличие от объектива, прикованы к фигуре на полу.

Можно точно сказать, когда он замечает происходящее. Целых три секунды камера снимает только дерганные мазки кирпича, труб, морозного дыхания и больше ничего, пока оператор сосредоточенно удирает оттуда.

Камера останавливается, хотя изображение продолжает трястись, и мы видим угол, от которого мы пятимся прочь, задом наперед и, вероятно, ползком на заднице.

Что-то быстро вышмыгивает из-за угла.

Видно только болтающиеся в воздухе инфернально-черные ноги, в то время как это нечто летит на нас.

Оператор не кричит. Его пересохшие голосовые связки издают только хрипы. Как будто они не в состоянии озвучить уместную реакцию и выпускают дух, так сказать. Камера дрожит и бьется в конвульсиях, дергается вправо, на мгновение выхватывает беспорядочно проложенные трубы...

На этом видео заканчивается.

Я не упомянул только одного: на протяжении видео звучит еще три слова, помимо «О боже, вот оно». Я бы предположил, что эти три слова были наложены впоследствии, а не прямо во время записи. Они произнесены без особой интонации голосом, похожим на юный женский, с южным акцентом откуда-нибудь из Испании или Италии. Голосом, довольно схожим с голосом Марии Корви. Но это точно не она, любители страшилок, так что не радуйтесь раньше времени.

На первой секунде видео голос говорит:

– Сатанахия.

Ровно на середине видео, на отметке в двадцать две секунды, голос говорит:

– Мания.

И буквально за секунду до окончания записи голос говорит:

– Баракиял.

Бекс ерзает на краешке кровати, потирая голые руки:

– Вот черт. Я вся в мурашках.

Я раздавлен: вон он, идеальный повод для того, чтобы обнять напуганную пьяную девушку. Но нет. Потому что Лоуренс. И рвотные пятна. Жизнь – боль.

– Ну да, – говорю. – Лучшее видео с призраками, что мне доводилось видеть. Отличная работа.

– Стоп, то есть... ты думаешь, это подделка?

Желчь в моем голосе удивляет даже меня.

– Бекс, ты что, забыла, с кем разговариваешь? Нет, ну я не спорю, кого-то это наверняка проведет...

– А эти прозрачные ноги... да это привидение!

– Да боже мой, женщина! Тебе не кажется, что как-то уж все слишком удачно совпало?

– Только давай без этого тона, придурок.

– Все это слишком... как в «Ведьме из Блэр». Когда в самом конце происходит что-то страшное, камера сходит с ума, затемнение, конец.

– Ну, справедливости ради, если бы на меня из-за угла вылетело привидение, мне тоже было бы не до того, чтобы продолжать съемку. Я бы резко потеряла интерес к качеству картинки.

Она так раздражает меня и сбивает с толку. Смешит и разбивает сердце. Пока мы спорим, я заново загружаю видео на свой канал и публикую новости: «Видео вернулось! Кому-нибудь известно происхождение этого хоррора? Пишите на VidInfo@JackSparks.co.uk: [ссылка]».

– Минуточку, – говорит Бекс. – Это же не ты сам снимал?

Я бросаю на нее через плечо сердитый взгляд.

– Я на всякий случай уточняю, – оправдывается она. – Давай посмотрим еще раз!

– Я устал, – говорю я, не поддаваясь импульсу пересматривать с ней видео до рассвета. Делать с ней что угодно до рассвета. Считать загогулины на потолке. Сортировать булавки по размеру.

Она нехотя встает и проходит мимо, вяло переставляя ноги, как лунатик. Дает мне пять на прощание и растворяется в темноте. В комнату, которая вскоре станет или опять моим кабинетом, или домом для очередного бессердечного квартиранта, который будет оставлять повсюду свои колкие записочки.

Я забыл спросить, что она думает об этих «Сатанахии», «Мании» и «Баракиале», но, погуглив, я выясняю, что был прав и все это – имена демонов ада. Ну думать бы сейчас о том, что это хороший повод для разговора с Бекс. Но нет, дважды и трижды нет, нельзя идти на поводу у этого порыва. Нужно отстраниться от Бекс – так будет правильно. Все на земле преходяще, и видит бог, она многое потеряла.

Я достаю из-под стола бутылку виски, из ящика – давнишнюю пачку сигарет и засыпаю в кресле за пересмотром видео.

Только наутро я, кажется, как следует рассмотрел это видео. В Хэллоуин я выпил лишнего и по безопасности смотрел с экрана телефона. Прошлой ночью я выпил лишнего и думал о Бекс. Но утро вечера мудренее, и вот я трезв, хоть мучаюсь сушняком и покрыт хлебными крошками, и видео играет новыми красками. Я думал, что, может, трезвость мысли скажется и на остроте впечатлений, но эффект остается неизменным. Я замечаю все новые детали. Например, очертания двери в дальней стене котельной – вход в старинную шахту лифта. Там есть два небольших окошка, и каждые несколько секунд в них мелькают старинные механизмы. Отсутствие кнопки на стене у лифта указывает на доавтоматическую эпоху – не позже пятидесятых.

План действий таков: первым делом изучить видео вдоль и поперек в поисках улик, выдающих его происхождение, и для этого – отыскать эксперта, который помог бы с анализом. Как бы крут ни был Калвин из Кардиффа, айтишник едва ли способен предложить что-то интересное в этом отношении. Он говорит, что разрешение видео сложно определить, потому что YouTube перекодирует все загруженные видео.

– Но рискну предположить, что снято было не больше нескольких лет назад, скорее на телефон, чем на ручную камеру. Но слишком дерганое, так что сто пудов не GoPro.

Мне не сидится на месте. Паспорт ерзает на столе, так и рвется в бой. Порывом поскорее уехать я отчасти обязан Бекс, которая не прекращает разгуливать по дому в нижнем белье и с закрученными в полотенце волосами. Тогда я пускаюсь в плавание по волнам соцсетей:

«Народ! Расскажите-ка мне, где обитают самые жуткие полтергейсты, но С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Любую точку мира. Жгите!»

Поток предложений не прекращается до конца дня. Меня приглашают во все уголки планеты, и я очень скоро убеждаюсь, что в мире существует нереальное количество кружков, посвященных сверхъестественному. Одна такая компания, «Брашов Инкорпорейтед», базируется в Трансильвании и уверяет, что ими найден самый настоящий череп графа Дракулы, захороненный в древних руинах. Принимая во внимание, что граф Дракула – литературный персонаж, я со всем уважением отказываюсь от приглашения приехать и пощупать находку своими руками. Они возражают мне тем, что имели в виду самого Влада Цепеша, реальную историческую личность, который и стал прототипом графа Дракулы

Брэма Стокера и которого-де самого звали Дракулой. Тогда я спрашиваю, с какой стати череп реального человека будет интересен тому, кто охотится за сверхъестественным. Переписка заходит в тупик. На что только люди не пойдут ради привлечения внимания – так одержимы популярностью, что голову теряют.

Из Америки мне пишут, что некая группа под названием Паранормальный Голливуд готовится к реконструкции некоего Эксперимента Гарольд, который имел место в семидесятых. Я не вникаю в подробности, но суть там такова, что они хотят убедиться, сможет ли человеческий мозг воззвать к жизни привидение. Ну и, разумеется, они хотят, чтобы Джек Спаркс принял участие. Штука вообще довольно любопытная, уж точно кроет череп Дракулы, но какая-то слишком эзотерическая. Повторюсь: не верю я, что человек может без помощи наркотиков навоображать себе призраков. К тому же я тут хочу дать людям шанс убедить меня в существовании настоящих привидений, духов мертвых, а не галлюцинации мозга, так что я желаю лидеру группы Астралу всего наилучшего и открываю очередное письмо...

...которое оказывается угрозой взлома от какого-то хрена по имени Оскар. Оскар такой смельчак, что использует зашифрованный почтовый адрес. С экрана литрами льется желчь: «Только дурак станет писать о том, во что он не верит. Дьявол у тебя повод для шуток? Ты бы лучше задался вопросом, Джек Спаркс, что дьявол думает о тебе. – И наверняка потому, что мама позвала его баиньки, Оскар завершает письмо словами: – Ты обидел многих в хакерском сообществе, Спаркс. Мы тебя ПРИЩУЧИМ».

Оставляя в покое смешных и беспомощных интернет-троллей с их погремушками, никакие приглашения меня не соблазняют. Сплошное «ля-ля-ля, почитайте мой блог», «жу-жу-жу, у меня докторская степень по барабашкам». После многочасовой бомбежки сообщениями от хитровыделанных торгашей и пиарщиков электронных книжек я решаю, что полезнее будет покопаться в косвенных рекомендациях. Я обращаю на них пристальное внимание.

Одно название бросается в глаза чаще остальных.

Гонконгскую квартиру Шерилин Честейн разыскать оказывается непросто, даже имея под рукой адрес и гугл-карты. Не сомневаюсь, что это продуманный ход с ее стороны, так как с ее родом деятельности она должна притягивать больше

психов, чем Докинз или даже я. Дважды мне приходится звонить, чтобы уточнить маршрут. Оба раза она дает указания деловитым отрывистым тоном, не разбрасываясь лишними словами.

Точно так же, как видеоролику удалось произвести на меня впечатление отсутствием показухи, Шерилин Честейн привлекла меня тем, что предоставила разрекламировать себя другим. «Тебе стоит пообщаться с SChastainReal, – порекомендовал среди прочих MightieAtom6 из Нью-Джерси. – Она направит тебя в нужное русло и не даст запороть книгу». Ну, спасибо за совет, MightieAtom6, хотя я и сам не позволяю себе допускать ошибок (плюс-минус пара грамм дореабилитационного кокаина).

Сайт у Честейн строгий и выдержанный. В краткой биографии сказано, что она выросла в австралийском городе Перте в семье местного юриста и художницы-француженки. Остальной текст посвящен ее наемной работе в качестве боевого мага. Да, вы не ослышались: боевого мага. Никогда раньше не слышал о боевой магии, но звучит так претенциозно, что нельзя было не разведать поподробнее.

Знойная жара гонконгского лета осталась далеко позади, и в воздухе стоит терпимая прохлада, хотя для меня здесь все равно слишком душно. Я обливаюсь потом, маневрирую по шумным и буйно раскрашенным улочкам, где на прилавках чего только не продается. Каждая улица подчинена своей теме: с улицы, где продают золотых рыбок, можно свернуть на улицу, где продают туфли, а оттуда – на улицу, где продают электронику. Меня окутывают облака ни с чем не сравнимых ароматов, которые встречаются только в Китае и Чайнатаунах по всей планете. С трудом верится, что местные гастрономические точки на открытом воздухе (дай пай дон) теряют свою популярность, ведь они восхитительны. Как это свойственно городам-небоскрегам, Гонконг заставляет чувствовать себя мышкой, суевающейся в высоченном лабиринте, но виды, вкусы и запахи стоят этих жертв.

То и дело телефон у меня в руке вибрирует, сообщая об очередном письме в ящике, который я завел для сбора информации о видео. Пока что четыре из десяти таких письма написаны теми, кто утверждает, что снимали его лично они. Это едва ли возможно, если только они все не состояли в одной съемочной команде. Я отвечаю только тем из них, кто звучит наиболее правдоподобно и не оформляет свое признание идиотским интернет-сленгом. С ними я общаюсь осторожно, не говоря ничего конкретного, прошу рассказать мне еще немного и еще немного... и жду, пока они оступятся или просто перестанут отвечать. Я, с

одной стороны, не хочу закрывать глаза на потенциально важную информацию, но, с другой, теперь я понимаю, как тяжело детективам иметь дело с полоумными, когда те каются в убийствах, которых не совершали.

Видеоролик разбередил фантазии людей, и моя аудитория в итоге выросла на двенадцать тысяч пользователей. Рассказывая о видео в своих блогах, ребята или описывают его как первую неподдельную запись паранормального явления, или беспощадно изобличают его как фальшивку. Золотой середины нет. Кто-то опрометчиво и нагло заявляет, будто я сам сфабриковал его. Тут, наверное, во многом виноват факт, что ролик впервые возник на моей странице, но это не дает права типам из мусорных изданий вроде CrazyHotBuzz.com писать: «Глупое и явно сфабрикованное видео стало последним тузом, припасенным в рукаве охочего до общественного внимания Джека Спаркса. Мы, во всяком случае, на это надеемся». Можно подумать, мне есть дело до того, что думает обо мне шайка легкомысленных хипстеров. Пусть себе твякают. (Элеанор: Я писал тебе и Мюррею об этом инциденте, но не получил ответа – так вот пусть наши юристы заставят их СРОЧНО удалить этот пасквиль!)

Я прохожу мимо курительных заведений, и, кажется, одного этого хватит, чтобы провалить тест на наркотики. Я сбрасываю телефонный звонок, и звонящий оставляет голосовое сообщение. Уже третье от Астрала из Паранормального Голливуда с момента моего отказа. Не понимает человек слова «нет». Откуда у него вообще мой номер? Он безостановочно зовет меня пообщаться на том или ином сайте, и в приглашениях с каждым разом сквозит все больше скрытой агрессии. Первое сообщение на автоответчике порадовало слегка хиппарским калифорнийским акцентом: «Я бы советовал как следует обдумать ваше решение. Поверьте мне, Джек, на слово, наш эксперимент не стоит игнорировать». Я хмыкаю под нос и слушаю его последнее сообщение, где он парирует: «Прошу, окажите мне любезность перезвонить, если для вас это не составит большого труда. И раз уж вы отправились с визитом к Шерилин Честейн, поинтересуйтесь у нее заодно, каков статус нашей многоуважаемой группы в паранормальном сообществе. Благодарю».

Что может быть печальнее сердитой учтивости?

Но потом я слушаю следующее сообщение («Похоже, мы съедемся раньше, чем я думала – как насчет следующей недели?») и вздыхаю с облегчением, когда, завернув за угол, обнаруживаю указатель с улицей Шерилин Честейн.

Я снова задумываюсь: чего именно я пытаюсь добиться? Честейн – уважаемая и солидная фигура в «паранормальном сообществе», как выразился Астрал, так что я не прочь выслушать ее мысли насчет аутентичности или неаутентичности видео. Это никогда не помешает. Еще мне интересно, вдруг беседа с ней, какое-то понимание ее деятельности, добавит парочку гипотез в мой УЖАСТИК Спаркса. Пообщавшись с одним из передовых боевых магов мира, не найду ли я третьего возможного объяснения тому, почему люди видят привидений?

Нажатием кнопки Шерилин Честейн впускает меня в подъезд, и я поднимаюсь на седьмой этаж. Она открывает мне дверь и с сомнением на лице морщит нос. С моей-то репутацией, можете возразить вы, правильно делает. Но потом она медленно оттаивает. По иронии судьбы, она немногословна, когда объясняет железобетонные факты, но как только речь заходит о бездоказательной потусторонней тарабарщине, ее не заткнуть.

Говорит она с западноавстралийским акцентом, с легким налетом французского. В свои пятьдесят с небольшим (на глаз) в ней метра полтора роста (без каблуков). Торчащие во все стороны перья фиолетовых волос выдают в ней затянувшуюся фиксацию на Сьюзи Сью[б - Сьюзи Сью (англ. Siouxsie Sioux) – она же Сьюзен Джанет Баллион, вокалистка культовой британской панк-группы Siouxsie and the Banshees, основанной в 1975 г.]. Сложно не представлять ее в роли хоббита, тем более что она окружена артефактами, как будто сошедшими со страниц Толкиена. Она одета в простые джинсы и футболку в тон шевелюре – а жаль, я-то рассчитывал на какую-нибудь мантию, расшитую волшебными символами.

Черепам на ее полках несть числа. В основном они принадлежали животным – собака, кот, вроде какая-то выдра, разные птицы. Увы, ни Дракулы, ни Влада Цепеша, хотя одна человеческая черепушка в галерее все же присутствует.

– Не бойтесь, – говорит Честейн, ставя чашечку китайского чая на столик у дивана, который я увлажняю своим потом. – Я достала это строго по легальным каналам. Наследники были не против.

У нее полно книг, среди которых попадаются такие названия, как «Принцип семи ветров», «Милый адский котел», «Извечное падение человека» и – да, оно самое, уже знакомое нам «Я и Сатана» пера Примо Ди Стефано. Это меня даже

удивляет: с каких пор католики и боевые маги – одного поля ягоды? Ди Стефано, без сомнения, захотел бы сровнять это место с землей. Разве Честейн, будучи ведьмой, или кем она себя мнит, не должна испытывать аналогичных чувств по отношению к католическим святыням? Ответу коротко – нет. Почему – должно проясниться в ходе нашей беседы.

Повсюду стоят штабеля склянок, чаш, флаконов и пробирок. Одни полны мутными жидкостями таких цветов, которые я никогда не встречал в реальной жизни. В других хранятся мертвые (хочется верить) существа, погруженные в сомнительные бальзамы. Классические ведьмовские финтифлюшки. Интерьер же в квартире на удивление спокойный и лишенный готических тонов. Впрочем, Честейн не скрывает, что она просто планирует продавать квартиру.

– Мне нравится переезжать, – признается она.

Договориться о встрече с ней оказалось на редкость легко. Она ответила на мое письмо всего через несколько часов. Понятно, что глава в новой книге Джека Спаркса едва ли повредит ее репутации и, следовательно, ее карьере. Хм, может, приоритеты католиков и боевых магов не так уж и противоположны, если подумать.

Мы размещаемся на ее небольшом, но симпатичном, заросшем зеленью балконе. С него открывается вид на бухту, усыпанную лодками всех мастей, от нищих джонок до яхт миллионеров. Протянулась бледно-голубая лента моря, тронутая лишь стремительной тенью парапланериста, болтающегося под матерчатым желтым крылом парaplана. Нет, Честейн не возражает, если я буду курить, она даже ставит передо мной причудливо изогнутую пепельницу, но тут же зажигает палочку с благовониями, чтобы «нейтрализовать воздух». В общем, примерно этим она и занимается по жизни, только в других масштабах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

В своих книгах Джек крайне редко упоминает конкретные названия социальных сетей. Если верить его агенту Мюррею Чемберсу, он поступал так «в отместку» сайтам, которые отказывались платить за упоминание. – Прим. Алистер.

2

«Sturm und Drang» – «Буря и натиск» (нем.) – период в немецкой литературе и искусстве, отличительной чертой которого был отказ от культа разума, свойственный классицизму XVII в.

3

«Джек Спаркс под веществами» (Изд-во «Эрубис», 2014). Стр. 146. – Прим. Алистер.

4

Фальшивки. – Прим. ред.

5

Когда истинная природа видеоролика вышла наружу, YouTube и прочие интернет-видеоплатформы запретили его к размещению и продолжают удалять все его новые появления. Ролик, однако, до сих пор распространяется на торрент-трекерах. – Прим. Алистер.

6

Сьюзи Сью (англ. Siouxsie Sioux) – она же Сьюзен Джанет Баллион, вокалистка культовой британской панк-группы Siouxsie and the Banshees, основанной в 1975 г.

Купить: https://tellnovel.com/arnopp_dzheyson/poslednie-dni-dzheka-sparksa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)